

КНИГА 1

Виктор Квашин

# ОСТРОВ

## СЧАСТЛИВОГО ЗМЕЯ

Виктор Квашин

**Остров счастливого змея. Книга 1**

«Издательские решения»

**Квашин В.**

Остров счастливого змея. Книга 1 / В. Квашин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837678-8

Мы до сих пор не знаем и малой доли того, какими помыслами жили наши первобытные предки. Герою этой книги удалось не только заглянуть в своё прошлое, но и принять в нём участие. Это кардинально повлияло на его судьбу и изменило мировоззрение, привело к поискам личных смыслов и способов решения экологических проблем. Книга наполнена глубокими философско-психологическими рассуждениями, которые, однако, не перегружают чтение захватывающего авантюрно-приключенческого повествования.

ISBN 978-5-44-837678-8

© Квашин В.

© Издательские решения

## Содержание

Часть 1. Сон	6
1	6
2	17
3	20
4	25
5	30
6	35
7	41
8	46
9	51
10	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

# **Остров счастливого змея**

## **Книга 1**

**Виктор Квашин**

*Дизайнер обложки* Владимир Квашин

© Виктор Квашин, 2018

© Владимир Квашин, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4483-7678-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Часть 1. Сон

*Вечны  
Только земля и небо.  
Плохо  
Стариком умереть,  
Ничего не бойся!  
(Песня воина племени кроу)*

### 1

Опять этот сон! Александр проснулся резко, как от тревоги. Разум чистый, будто не спал. Вместе с тем, ощущение полной реальности того, что происходило во сне. Тихонько, чтобы не разбудить жену, расстегнул молнию спальника, на ощупь оделся.

– Ты куда, мой хороший?

– Пойду, покурю.

– Что-то случилось? – жена за годы научилась чувствовать его настроение.

– Опять этот сон...

– Цветной?

– Ты же знаешь, я всегда цветные вижу.

– Утром расскажешь, хорошо? – еле внятно промурчала жена из спальника. Она не умела спать, не укрывшись с головой.

Он выполз из низкого палаточного входа. Звёздное небо освещало высокую траву, узенький пляж, спокойное море. Чётким чёрным контуром просматривался мыс. Комары обрадовались, загудели. Раздул угольки, подложил щепочек. Пламя сразу погасило окрестности, зато стало видно всё рядом с костром. Верный Норд вылез из-под навеса палатки, потянулся, вильнул хвостом и уселся рядом. Половина пятого. Зябко. Плеснул холодного чая из котелка в кружку, поставил к огню. Сидя на корточках прямо в дыму, дождался, пока чай в кружке начал шипеть, отхлебнул несколько коротких глотков, закурил.

«Какой реальный сон! Это первобытное жилище, закопчённые жерди, эта девушка, – даже имя запомнилось – Ния. Её голос, почти мольба: «Возвращайся скорее!»

Сигарета без фильтра стала припекать пальцы. Пощупал в пачке – осталось пять сигарет. Всё равно не хватит. Прикурил ещё одну, сделал несколько затяжек, аккуратно затушил, положил окурки в пачку. «Свихнусь я с этой археологией, – думал он, по привычке почёсывая собаку за ухом. – Третью ночь подряд один и тот же сон. Устал наверно. Уже скоро месяц болтаемся. Завтра закончу обследование последнего участка полуострова и надо выходить к людям. И продукты кончаются, и курево считай, уже кончилось, и одежда начинает рваться. Прохладно. Надо спать. Завтра много работы». Он почти бесшумно забрался в спальник, аккуратно, чтобы не потревожить жену в тесноте палатки, улёгся на бок и тут же уснул.

Встали рано, до солнца. Роса. Чистое небо. Слабый ветерок с моря. Это он разбудил, зашуршав волнами о галечный пляж. Сразу котелок на огонь.

Пока пили чай, жена спросила:

– Ну что, Саша, расскажешь мне сон?

– Да, представляешь, опять то же самое! Костёр посреди жилища, копать везде. Снова эта Ния, что-то варит в керамическом котелке. Я так чётко помню этот сосуд с настоящим горинским орнаментом. И я вроде сижу с другой стороны костра, смотрю, и такое ощущение, что я всё это хорошо знаю, что всё мне знакомо, и я даже ничему не удивляюсь. У Нии на шее аму-

летик в виде головки змеи. И я знаю, что это я ей подарил, и мысль такая: «До сих пор носит!». А я вроде должен куда-то идти. А она так тревожно говорит: «Возвращайся скорее!». И такое неприятное ощущение, никуда бы не пошёл, но знаю, что надо. И так тоскливо на душе...

– А дальше что?

– Проснулся. Но знаешь, всё настолько реально, просто удивительно!

Жена улыбнулась, с ехидцей спросила:

– А больше ничего не было? Меня тебе мало, завёл женщину во сне. И не придерёшься – не живая.

– Да перестань, Зоя...

Достал вчерашний окурочок, прикурил от веточки из костра. Почему-то возникло чувство вины. Наверно потому, что во сне он точно знал, что Ния – его жена.

– Ладно, надо идти работать.

– Саша, а как она выглядит?

– Да как... типичная азиатка, волосы чёрные, скуластая, плосколицая, глаза узкие. В общем, она тебе не конкурентка, – обрадовался он, что нашлась спасительная фраза.

– Да я пошутила, мой хороший, я же знаю, что тебе кроме меня никто не нужен. Ну надо же, какие у тебя сны! Вот бы мне хоть разок такой посмотреть! Возьмёшь следующий раз меня с собой в сон?

– Возьму, только надо спать в одном спальнике и раздетыми, иначе не получится.

– Я согласна. Давай сегодня и полетим!

– Хорошо. Пора идти.

– Ты надолго?

– Хочу сегодня всё закончить, чтобы завтра уйти в посёлок. Осталось немного. Посмотрю на мысу, и на косе быстренько. Тут уже вряд ли что найдётся. Разве что случайная стоянка обнаружится. Ну, я пошел. Не скучай, я постараюсь быстро.

Он взял собранный с вечера маленький рюкзачок, лопату.

– Норд, пошли!

– Возвращайся скорее!

«Аж мороз между лопаток! Те же слова! Что-то стал слишком чувствительным. Зоя каждый раз так говорит, – думал он, шагая по прибрежной гальке. – А может мне и приснились эти слова, потому что Зоя их всегда говорит? А вообще, наверное, все женщины мира говорят любимым: «Возвращайся скорее!»

Он поднялся на мыс. Подъём небольшой, но пока продерёшься сквозь душную полынь в человеческий рост, и зимой согреешься. На самом верху мыса невысокая скала полукругом, перед ней довольно ровная площадка и большой плоский валун. А на камне огромный полоз свернулся, спит. Хорошо, что Норд увлекся поисками мышей, а то поднял бы сейчас лай. Ещё утро, а уже жарко. Александр снял энцефалитку, присел на выступ скалы, закурил. И тут же выругался – слепень больно укусил под лопатку. Полоз проснулся, сделал движение, чтобы удрать, но остановился, замер, глядя на Александра, только язычок часто трепетал в его сторону.

– Не бойся, не бойся, не трону я тебя.

Ни с того ни с сего всплыла в памяти змеиная головка на шее Нии из сна. Слепень снова укусил спину. «Не посидишь! Ладно, надо работать, – он оглядел окрестности. – Выбирать тут не из чего. Надо шурфовать на седловине мыса и на пологом склоне со стороны моря».

Часа через полтора грязный, потный, искусанный комарами и слепнями, закопал второй пустой шурф. Устал. Надо подняться вверх, на ветерок. Пошёл обратно по своим следам – хоть и дальше, зато легче продираться сквозь заросли. Присел на тот же камень. Хорошо на ветерке. Норд с высунутым языком почти бегом бросился в тень под скалу, ковырнул пару

раз лапой прохладную землю и улегся на брюхо. А полоз так и лежит на своем месте. Интересно, о чём он думает?

До слуха донёлся посторонний шум. Александр осмотрелся: «А, вон машина пылит. Кого несёт? Наверно, отдыхающие. Хоть бы остановились подальше от нас, не хотелось бы близкого соседства».

Машина забуксовала, загудела, в заболоченной низине, но проползла потихоньку, выбралась из болотины и поковыляла по ухабам дальше. «Ну и, слава Богу, значит не к нам. Эх, курить бы стрельнуть!» Достал бинокль, стал наблюдать, куда поедут. «Под скалой остановились, замечательное там место для отдыха. Из будки выпрыгивают мужики, помогают слезть женщинам. Большая компания. Выгружают ящики, тюки, дрова, акваланги... О, эти на долго приехали. Как курить-то охота! Сходить к ним что ли? Туда километра полтора, не так много времени потеряю. Заодно вдоль дороги посмотрю, всё равно перешеек обследовать надо».

Прорвался сквозь полынь на дорогу, пошёл потихоньку, всматриваясь в обочину и в колею. Сухая жёлтая глина, но заметно, что во время дождя по колеям текли ручьи. «Это хорошо, вода вымывает обломки сосудов и каменных орудий, если они вообще существуют. А местечко хорошее для поселения, сам бы тут жил! Оп, есть! – Александр поднял маленький, с ноготь, обломок керамики. – Теперь надо смотреть внимательно». Прошёл немного вперед, вернулся, прошёл назад. Минут за пятнадцать нашёл ещё несколько обломков. «Ну и что, из-за этой мелочи придется копать шурф? Может, когда-то горшок разбился, а теперь его машинами раскатали. Уже так надоело копать землю за этот месяц! Тем более, настроился сходить к отдыхающим за сигаретами». Мысль о сигаретах подавляла все остальные. Без курева какая работа! Достал предпоследнюю сигарету, присел на обочину. А глаза сами всё шарят по колее. Ага, вот это уже интереснее. Выковырнул из глины маленький осколок обсидиана. Значит, здесь была, как минимум, стоянка, и, похоже, первобытная. Обработка вулканического стекла характерна для культур неолита. Значит, шурф неминуем. Выцедил окурок до ногтей, встал, огляделся. Где же копать, чтобы попасть на культурный слой?

Отошёл немного от дороги, расчистил площадку от высокой травы и начал копать. Почти сразу под дерном пошла керамика. И много. Один фрагмент горловины сосуда величиной с ладонь был украшен аккуратно прочерченными треугольниками – визитная карточка горинской культуры.

Александр сел на край шурфа.

– Хватит ковыряться, здесь надо копать по-настоящему, – сказал он вслух. – А то потом будешь ломать голову, как всё это состыковать в отчете, чтобы правдиво выглядело. Придётся нам здесь потрудиться, Нордик, – сказал он псу, распластавшемуся на прохладной свежеекопанной земле. – Но прежде нужно добыть сигарет.

Александр сунул лопату в кусты, туда же рюкзачок со всеми вещами, выбрался на дорогу и налегке быстрым шагом направился к отдыхающим.

Ещё метров за пятьсот стали слышны децибелы тяжёлого рока.

– К нам гости! – радостно заорала уже изрядно выпившая молодуха не первой свежести в купальнике, который подчёркивал ее неудачную фигуру. – Давайте к столу, давайте к столу! Николаич, налей гостю! Какая хорошая собачка, она не укусит?

– Не укусит. Здравствуйте. Приятного вам отдыха! – поздоровался Александр. – Вижу, хорошая компания, решил подойти...

С первого взгляда было ясно, что застолье в самом разгаре, и он уже начал жалеть, что пришел.

– Садись! Володя, подвинься, дай человеку сесть, – Николаич, загорелый по пояс мужик в мокрых плавках и с иссиня-белыми ногами, изрядно уже выпивший, сидел на стуле-раскла-



душке и явно всем распоряжался. – Садись. Давай, пригуби, – перед Александром мигом оказался гранёный стограммовый стаканчик с водкой.

– Да я, в общем, мимо проходил, просто подошёл... – попытался отвязаться Александр.

– Стой, стой! Мы люди простые, у нас порядок такой: сначала человека накорми, а потом спрашивай, кто он и что ему надо. Замахни, – Николаич поднял свою стопку, горизонтально отставил локоть и потянулся к Александру чокаться.

– Выпейте с нами. У Иван Николаича день рождения, – потянулась стопкой через стол молодуха.

– Нина, положи гостю закусить, – сказал Николаич.

Нина мгновенно сервировала огромную тарелку: картошку, салат, колбасу, сыр, крупно нарезанную копчёную кету и сверху всего этого огромный жареный куриный окорочок.

– Закусывайте, пожалуйста! – подала с пьяненькой заигрывающей улыбкой.

«О, чёрт, столько еды! А так есть хочется! И отказываться неудобно – день рождения. Эх, хоть поем досыта, похоже, день всё равно пропал».

– За ваше здоровье! – Александр чокнулся с Николаичем и Ниной, выпил, набросился на окорочок, на колбасу, одновременно незаметно подкармливая под столом Норда и удивляясь набору продуктов в своей тарелке: «Надо будет Зое рассказать. Как бы ей что-нибудь урвать с этого царского стола?»

Не долго пришлось закусывать – через тридцать секунд стопка была полна, а Николаич с Нинкой уже тянулись чокаться.

– Между первой и второй – промежуток не большой! – пропела Нина.

– Извините, я пас. Мне ещё работать.

Николаич придвинулся почти вплотную.

– Тебя как зовут?

– Александр.

– Иван, – скрепил знакомство рукопожатием Николаич. – Можно я тебя Саней звать буду? У меня друг Саня. Вот такой мужик! Давай за тебя! – чокнулся.

Выпили. Александр, экстренно закусывая, думал: «Пора уходить, а то я ноги отсюда не унесу». Потом мысли переключились: «Какой всё-таки народ! Совершенно незнакомого человека накормят, напоят, и спать положат. Вон Нинка, похоже, прямо сейчас готова положить».

А лицо Николаича уже висело вплотную со стопкой наперевес:

– Саня, а ты откуда взялся?

– Я тут работаю.

– Что делаешь?

– Археологией занимаюсь.

– А чего ищите? Уголь что ли? Я тебе покажу, где есть уголь.

– Да нет. Мы не геологи, а археологи, древности ищем. Здесь когда-то жили древние народы...

– Стой! Я тебя неадекватно понимаю. Васька! Да выключи ты эту хрень! Человека не слышно.

Здоровенный Василий, зажимающий под голубым навесом девицу, не глядя протянул руку к магнитофону, и огромная звуковая колонка умолкла. Стало слышно шум волны, визги женщин, купающихся с мужиками. Александр обнаружил, что за столом остались только Николаич, Нинка и он.

– Так что, вы золото ищите?

– Нет. Понимаешь, многие столетия назад здесь жили древние люди. Мы ищем их поселения.

– Ну и что, нашли?

– Нашли на той стороне два корейских поселения. Да вот сегодня обнаружил более древнее, – Александр вытащил из кармана кусок керамики.

Николаич повертел обломок:

– Ну и что это?

– Это часть горшка. Ему три тысячи лет.

– А золото нашли?

– Тогда не было золота. Оно не нужно было.

– Золото было всегда! – непрерываемым тоном сказал Николаич. – Вы не там ищите. Я тебе скажу, где надо искать. Давай выпьем!

– А вот, креветочками закусите. Это Иван Николаич сам ловил, – Нинка уже из-за спины Александра поставила на стол миску с креветками, навалившись при этом грудью на его плечо и надолго задержавшись в этом положении. Потом села рядом, что-то подкладывая в его тарелку и всё время прижимаясь голым плечом. – Давайте за Иван Николаича!

«Всё, это последняя и пора уходить, – подумал стремительно хмелеющий Александр. – Надо брать процесс под свой контроль».

– Николаич, Нина, у меня к вам большая просьба...

– Санёк, без проблем! – сказал Николаич.

– Для вас, Санечка, что угодно! – сказала Нинка с полной стопкой в руке, уже окончательно слипшись плечом с боком Александра.

– Мы уже месяц в экспедиции, и у меня курево кончилось. И, если можно, немного хлеба, а то мы уже две недели без хлеба.

– О, ни хрена себе! А что ж ты раньше молчал? Сколько вас?

– Да двое всего. И вот, верный друг, – Александр положил руку на загривок собаки.

– А где второй? Зови его, сейчас накормим.

– Да я с женой. Она там, на берегу, в палатке.

Нинка отлипла, удивлённо спросила:

– Так вы что, в экспедиции с женой? Целый месяц?

– Да, мы всегда вдвоём ходим.

– Давай выпьем за твою жену! – протянул стопку Николаич.

Нина поднялась и начала укладывать в пакет огурцы, помидоры, окорочка, колбасу...

– Да что вы, не надо столько, нам бы только хлеба...

– Жену надо кормить! – по-хорошему улыбнулась Нина, продолжая складывать в сумку всё подряд. – И собачку сейчас накормим.

– Мне бы ещё курева, – сказал Александр.

– Васька! Принеси блок сигарет!

– Да что вы, Николаич, мне пачки хватит!

– Бери, сказал! Тебе надо! Давай, выпьем за тебя.

Выпили. Александр уже не закусывал.

– Огромное вам спасибо, вы нас так выручили! Ой, ну я же столько не донесу, – сказал Александр, принимая из рук Нины доверху набитый тяжёлый пакет.

– Донесёшь, куда ты денешься. Жену кормить надо! Дай я тебя хоть поцелую на прощанье.

Александр умудрился в последний момент увернуться, и поцелуй пришёлся в нижнюю часть щеки, но прижалась грудью она крепко. Потом повернулась и пошла, громко напевая:

– Ты живёшь на том берегу, я тебя любить не могу!

– Ну, Санёк, удачи тебе золото найти! – Николаич попытался приподняться, пожимая руку, но не смог, снова плюхнулся на стульчик. – Давай на дорожку пригубим!

– Не, Николаич, спасибо, а то не дойду.

К палатке подошёл уже в сумерках. Зоя сидела у костерка, помешивая в котелке.

– Жена! Я тебе подарки принёс! – Александр поставил перед Зоей сумку и сел напротив с блоком «Кэмэла» под мышкой. Он был пьян.

– Ой! Откуда такое богатство?

– Это тебе Нинка передала.

– Какая ещё Нинка? Ты что, выпил что ли? Ой, какая вкуснятина! Можно я сейчас съем кусочек колбаски?

– Это всё тебе. Норда не корми, он там наелся. Я посплю немножко, – и полез в палатку.

Александр спал как убитый, но ближе к утру дважды вставал пить, ругая себя за вчерашний перебор. Под утро опять коротко приснилась Ния – только её лицо и слова: «Я рада, что ты уже близко». Поскольку лёг рано, поднялся тоже рано, ещё в сумерках. Сварил чайку покрепче, выпил пару кружек, вроде пришёл в норму. Всласть, без ограничений задымил «Кэмэлом». Лишённые смысла слова Нии вертелись в голове. Поднялась Зоя. Стала расспрашивать о вчерашней компании. Рассказал коротко.

– А что за Нинка?

– Да просто тётка из этой компании. В каждой компании есть своя Нинка. Ну, пришлось выдержать поползновения с её стороны. Я же ради нас с тобой страдал. Между прочим, это всё Нинка и натолкала в сумку. Надо побыстрее съесть то, что может испортиться. Я же тебе не рассказал самое главное: я нашёл горинское поселение. Даже шурф вчера начал, да вот решил сходить за сигаретами. Эти продукты нам очень даже кстати. Придется поработать плотно и, конечно, сегодня в посёлок уже не пойдём. Давай перекусим «чем Бог послал», а послал он им... – засмеялись вдвоём, вынимая из сумки окорочок, наполовину объединенный вчера Зоей, колбасу и прочие вкусности. – А потом вместе пойдём к шурфу. Вдвоём быстрее получится.

Быстрее не получилось, хотя работалось сегодня легче из-за сырого южного ветра, создающего прохладу и сдувающего комаров. Александр снимал культурный слой пластами по пять сантиметров. Зоя вела записи и упаковывала находки. А их было много, очень много! Сантиметрах в тридцати от поверхности пошла битая ракушка, ниже – плотный слой раковин с обилием археологических материалов. Часам к пяти, наконец, культурный слой закончился, ниже был мелкий щебень с песком.

– О, чёрт! Сейчас у нас отнимут час времени, – выругался Александр, заметив машину, приближающуюся со стороны стоянки вчерашней компании. – Водка что ли у них уже кончилась?

Норд с лаем бросился навстречу машине. Из кабины вылезли Николаич и Васька, из будки – ещё два мужика. Все практически трезвые.

– Ну что ты, не узнаёшь друзей? Вчера курятину ел, хвостом вилял, а сегодня лаешь, – отчитал Николаич собаку. – Ну, покажи, Саня, что вы там накопили.

– А вот, смотрите. Вот здесь примерно три тысячи лет назад жили люди. Они охотились, рыбачили, в общем, посёлок был.

– А откуда ты знаешь, что они охотились и рыбу ловили?

– Смотрите сколько костей животных мы нашли только на одном квадратном метре. А вот это грузила для сетей. И костей рыб навалом.

– Да ну, не может быть, чтобы три тысячи лет! Откуда ты знаешь время?

– Это учёным давно известно. На других поселениях определили радиоуглеродным методом.

– А какие они были по внешности, как назывались?

– Как они себя называли, мы не знаем, письменности тогда еще не было. Археологи называют эту культуру горинской. А внешний вид – азиаты.

Александр по опыту знал, что любопытству людей нет предела. В другой раз можно было бы и поговорить, но сейчас надо было заканчивать раскоп.

– А вы куда собрались? Продукты уже кончились? – решил он перевести разговор.

– Да ребята из города, – показал Николаич на попутчиков, – ко мне на день рождения приезжали. Надо их на паром отвезти. Ох ты, время-то... опоздаем! Поехали! Интересно у вас, мы ещё заедем.

– Этого нам только не хватало до полного счастья, – пробурчал Александр, когда машина уехала.

– Ну что ты ругаешься, хорошие ведь люди, – сказала Зоя.

– Да хорошие, конечно. Работать бы только не мешали.

Зоя промолчала, зная склонность мужа всё преувеличивать.

Александр спустился в шурф.

– Сейчас быстренько стенки подравняю, и дно сантиметров на десять ещё углублю, чтобы на фотографиях нормально выглядело. А то Полевой комитет придирается, когда материк мало выбирают.

Он уже наводил последний «марафет» перед фотосъёмкой, когда совок вывернул из песка приличный кусок керамики.

– Вот так, Зоя, хочешь радуйся, хочешь плачь – не видать нам завтра посёлка. Посмотри, какая прелесть! – он протянул черепок, сплошь орнаментированный ямочками и линиями.

– Это что, зареченская?

– Она самая! Наумов будет в восторге. Ему позарез нужен хороший памятник зареченской культуры для монографии.

Александр стал раскапывать дальше, и вновь пошёл материал: керамика, наконечник стрелы, кости.

– Знаешь что, – сказал он, – давай на сегодня закончим. Надо с этим разобраться – помыть все находки, проверить записи, да и поздно уже, есть охота. А завтра докопаем. Четыре дня у нас есть до конца отпуска.

– Мы же хотели пораньше вернуться. Я хочу постирать, убраться, столько дел дома! По деткам соскучилась.

– Не бросим же мы шурф не докопанным. Детки не маленькие. А город нам ещё надоест, целый год будем им наслаждаться. Зареченский слой не должен быть толстым, завтра, скорее всего и закончим, а послезавтра домой.

С трудом донесли находки до лагеря.

– Как мы это все в посёлок понесём? – бурчал Александр. – Но богатый материал! Наумов будет рад.

Пока грелась вода в котелке, Зоя перемыла большую часть находок и разложила их сушиться на ветерке, придавив камешками этикетки. Только уселись поесть, как подъехала машина. Николаич стал уговаривать ехать ужинать к ним в лагерь. Александр принялся отнекиваться, а Зоя, напротив, с удовольствием согласилась:

– Давай поедem, Саша. Всё равно ничего делать сегодня уже не будем. С людьми пообщаемся. Месяц людей не видели.

Николаич обрадовался, усадил Зою в кабину, сам залез в будку вместе с Александром. Доехали быстро.

– Нина, у нас гости. Обнови стол, пожалуйста.

– Здравствуйте, здравствуйте! – запела Нина, быстро прибирая на столе и тут же выстав-  
ля новые закуски и чистую посуду.

– Давайте я помогу – подключилась к ней Зоя.

За столом быстро все перезнакомились. Николаич был со своей женой Алевтиной Петровной, водитель Вася – с подругой Надей, была ещё одна семейная пара Ольга с Володей.

Нина оказалась одна. Николаич с женой, и Александр с Зоей были примерно одного возраста, Нина лет на десять моложе, остальные показались Александру совсем молодыми. Николаич стал было наливать, но Александр попросил:

– Давай, Николаич не будем. Завтра столько работы! Я бы лучше чайку покрепче.

– Давай не будем. У меня вчера перебор вышел, можно и отдых организму дать. Нина, сообрази, пожалуйста, чаю.

– А может, вы кофе хотите?

– Ой, я так люблю кофе! Мы брали с собой немного, и уже давно кончился. Я просто мечтаю о кофе! – Зоя умела говорить так искренне и эмоционально, что люди готовы были отдать последнее. Нина мигом принесла пачку растворимого «Максима» и огромный термос с кипятком, а для Александра коробку чая в пакетиках. Александр не любил эти «утопленники» – ни вкуса, ни крепости. Но вариантов не было, пришлось заваривать «утопленников».

Зоя, в противоположность Александру мастер застолья, могла поддержать любой разговор, умела быстро сменить тему, и все этому охотно подчинялись. Вот и сейчас она не дала развернуться археологической дискуссии, а попросила всех рассказать о себе. Оказалось интересно. Все они живут в Лазурном. Николаич – зам главы администрации района («Мы люди простые», – вспомнилась Александру вчерашняя фраза Николаича), его жена работает бухгалтером на Лазурненском рыбокомбинате, Нина – главбух администрации района. Владимир тоже в администрации работает, его жена Ольга – дочка Николаича и Алевтины Петровны. А Василий там же шофёром, и машина, естественно, казённая. Зоя перевела разговор на охоту, и эта тема была основной до конца. Ещё бы, все мужики – заядлые охотники, а над районом проходят основные пути пролётов птиц.

Охотничьи рассказы затянулись дотемна. Василий отвез Зою и Александра к палатке.

Ния стояла перед ним маленькая, крепкая, смотрела прямо ему в глаза.

– Я хочу, чтобы ты мне пообещал. Пойдём! – она взяла его за руку, повела. Её маленькая ладонь была тёплая и удивительно сильная. Они прошли мимо полуземлянок крытых дёрном. Около домов что-то делали женщины. Чумазые, совсем голые дети играли со щенком. Он ничему не удивлялся, потому что всё это казалось привычным, обыденным. Она повела его по тропе на мыс, к той самой скале полукругом, около которой он курил два дня назад. Здесь всё было так же, только площадка была ровная и засыпана жёлтым песком. Посреди площадки стоял тот же камень, и на нём так же лежал крупный полоз. Ния подвела его к камню. Они стояли рядом, лицом к змее, крепко держась за руки.

– Завтра ты уйдёшь далеко. Я хочу, чтобы ты пообещал, что не забудешь меня и обязательно вернёшься.

– Как я могу тебя забыть?

Ния повернула его лицом к змее.

– Говори ему, – почему-то прошептала она.

Он, как послушный ребёнок, глядя прямо в глаза полозу, произнёс:

– Я обещаю никогда тебя не забывать! Я обязательно к тебе вернусь!

Ния, не спуская глаз со змеи, опустила на одно колено. Он автоматически сделал то же самое. Ния вынула из-за пазухи крупную раковину живого гребешка, медленно положила на край камня. Полоз, до этого лежавший не шевелясь, сделал движение в сторону раковины, затрепетал язычком.

– Он принял наш дар, – прошептала она. – Ты вернёшься!

Половина седьмого. В голове полный сумбур. Сердце стучит. Рука до сих пор ощущает тепло её ладони. Александр достал сигарету, поворошил в поисках искры угли потухшего костра, прикурил.

«Чёрт знает что! То ли я схожу с ума? Как это объяснить? Всё настолько реально, все ощущения, мысли, чувства... Такого никогда раньше не было», – размышлял он, понимая, что вразумительного ответа не найдет.

– Сашенька, ты что?

– Курю.

– Опять сон?

– Всё нормально. Поспи. Рано ещё.

Развёл костерок. Пил крепчайший чай, курил и думал, пока не проснулась жена. Прогнувшись от утренней свежести, она присела рядом, прижалась, взяла из его рук кружку, отхлебнула.

– Ох, какой горький, как ты его пьёшь? Расскажешь сон?

Александр подбросил дров, налил Зое нормального чая, подал вместе с куском хлеба.

– На вот, я тебе поджарил.

Помолчал, раздумывая, стоит ли рассказывать. Потом вдруг разговорился, рассказал всё в мельчайших подробностях.

– И что ты про это думаешь? – спросил он жену.

– Наверное, ты устал, мой хороший. Тебе надо отдохнуть. Давай устроим сегодня выходной. Ложись и спи, сколько захочешь. И всё будет хорошо.

– Да нет, надо заканчивать с шурфом и ехать домой. Сейчас быстро уберём находки, чтобы этикетки ветром не раздуло, и пойдём докапывать. Слушай, а куда ты кости положила?

– Да вон они, рядом с керамикой.

– Вроде их больше было, я же помню. Большие кости где?

– Здесь я все раскладывала. Мыла и раскладывала. Ничего не пойму...

– Чёрт! А где Норд? Норд, ко мне!

Пёс нехотя, понурив голову, вышел из кустов, лёг поодаль и стал смотреть куда-то в сторону.

– Ах ты, злодей! Ну зачем они тебе, им же три тысячи лет! Вот гад, сожрал самые крупные кости! – возмущался Александр, вытаскивая из-под кустов изгрызенные остатки превосходных археологических материалов. – Ну сытый же был вчера, какого чёрта? Кто это сделал? – заорал он на собаку, сунув огрызок псу под нос и шлёпнув по спине.

Норд оскалил клыки, коротко рыкнул, и тут же завилял заискивающе хвостом, стал лизать руку.

– Извиняется! Ну ты, Норд, злодей! Ну ладно, ладно, хватит лизаться.

– Ты своей собачке прощаешь всё, даже такое преступление, – сказала, улыбаясь, Зоя.

– Ладно, меньше нести будем. Он же не знал – лежат себе на пляже кости, чего бы их не съесть. Что ты в них нашёл, Норд?

Александр быстро смирился с потерей. Он не мог обижаться на Норда. Это был его лучший друг, преданный, честный и верный настолько, что Александр сомневался, что такого можно найти среди людей.

Приключение с костями отвлекло от размышлений о сне. Они упаковали вчерашние находки и пошли на раскоп. Норд, как ни в чём ни бывало, с весело задраным хвостом бежал впереди. Он всегда как-то узнавал, куда они идут.

– Стой, Зоя! Давай поднимемся на мыс. Ненадолго.

– Зачем?

– Я знаю, как проверить сон!

– Саша, да забудь ты об этом. Чем чаще ты вспоминаешь, тем лучше отпечатывается в подсознании. Ты сам себя доводишь!

– Нет, ну послушай, хорошая идея! Ты помнишь, я рассказывал, что площадка вокруг камня засыпана песком? Камень там есть. Сейчас покапаем, и посмотрим, есть ли там песок.

В реальности его там быть не должно. Тогда я буду точно знать, что это просто сон, и подсознание успокоится.

В этом была логика, и Зоя, которая так не любила взбираться на горы, сразу согласилась. Ради Саши. Они потратили минут сорок, прежде чем добрались до полукруглой скалы.

– Вот, смотри, вот эта скала, а вон тот большой камень. Давай тихонько подойдём, там должен полз сидеть.

Но Норд первым подбежал к камню. В этот раз он унюхал змею, тут же отпрыгнул и остервенело залаял. Полоз скользнул, и исчез с другой стороны камня.

– Ты посиди с Нордиком. Вон там хорошее место. Посмотри пока окрестности. А я быстро. В шурфе над культурным слоем всего сантиметров тридцать земли, значит и здесь не больше.

Он скинул рюкзачок и стал копать. Под дёрном хороший чёрный гумус. Прокопал довольно глубоко, уж явно больше тридцати сантиметров – все та же жирная чёрная земля. Взмок от напряжения. Достал сигарету. Зоя подошла.

– Ну что, всё в порядке? Покури и пойдём. Хорошо, что ты проверил. Теперь это тебя не будет беспокоить.

– Не может быть! – Александр с окурком во рту стал рыть новую яму немного в стороне.

Он рыл с ожесточением. Окурок потух, но он боялся поднять голову, чтобы не встретиться глазами с женой, потому что понимал, что выглядит сейчас безумцем. Он зарылся уже на половину черенка лопаты. Для оправдания, и чтобы не дать Зое начать его уговаривать, говорил без остановки:

– Я прошлый раз здесь был, а шурф не выкопал. А здесь место перспективное, вполне люди могли жить. «Ни один идиот здесь жить не будет – на скале, вдали от пищи и воды, – думал он одновременно. – А в древности идиотов не было – они не выживали!» Вот заодно разведочный шурф сделаем, будет лишняя работа в отчет. А Полевой комитет требует, чтобы шурфы были докопаны до материка. Вот докопаю до скалы, уже немного осталось... – он говорил и понимал, что вся эта говорильня выглядит фальшиво, и что сам он из-за этого выглядит ещё больше похожим на ненормального.

Зоя молчала. Она не знала, что делать и как себя вести в такой ситуации.

– Зоя! Зоя, смотри – песок! Да что ты плачешь, глупенькая? – он прижал её грязной ладонью. – Да не сумасшедший я, смотри! – он раскрыл вторую ладонь. В ней был жёлтый песок, вперемишку с землёй. – Ты же знаешь, ничего со мной не может случиться. Здоровый я, здоровее, чем прежде! Ну, давай вместе посмотрим.

Зоя стала на колени над ямой. Александр аккуратно зачистил борт. На фоне почти чёрной земли контрастно выделялась тонкая жёлтая прослойка песка.

– А вот и керамика! – он вытащил из прослойки маленький кусочек сосуда, протер пальцами, подал Зое. – Явно горинская.

Александр вылез из ямы и стал забрасывать её землей.

– И что ты теперь будешь делать? – спросила с тревогой Зоя.

– Ты знаешь, я как-то сразу успокоился. По крайней мере, теперь ясно, что я не сумасшедший. Теперь есть факт, материальный факт, связывающий действительность с моим сном. Что это значит, я не знаю. Приедем в город, буду думать. А сейчас пойдём заканчивать шурф, и так много времени потеряли.

– А ты заметил гало? – спросила Зоя, когда они подходили к шурфу.

Вокруг солнца действительно сиял радужный круг.

– Ух ты, неужели тайфун идет? Не хотелось бы под дождем с рюкзаками тащиться. Надо завтра выйти пораньше, может, успеем до начала ливня хотя бы до асфальта добраться.

Как они ни спешили, а закончили довольно поздно. Александр делал последний снимок с пригорка, когда подъехал Василий.

– Здравствуйте. Вы знаете, что тайфун идет? Ожидается две месячных нормы осадков и штормовой ветер. Николаич сказал вам передать, чтобы собирались. Мы через час уезжаем, вас заберём, до парома довезём

– У нас же ничего не упаковано, мы не успеем.

– Не на себе тащить. Мы вас прямо на паром доставим. А то потом неделю отсюда не выберетесь.

– Ладно, Вася, спасибо, мы постараемся.

Они бросились укладывать находки, вещи, палатку. Есть не стали – некогда. Наспех засунутые вещи не вмещались в рюкзаки. Норд, тем временем, спал под кустом, прикрыв нос хвостом – верный признак приближающейся непогоды.

Подошла машина. Николаич выскочил из кабины.

– Ну что, готовы? Поехали, на пароме упакуетесь.



## 2

– Вот нам повезло, Саша, – сказала Зоя, когда после ухабистой дороги выехали на асфальтированную трассу. – Сегодня уже дома будем!

Подъехали за двадцать минут до отхода. Паром стоял в конце причала.

– Ты, Саня, сходи-ка, узнай, что-то ни людей, ни машин не видно. А Зоя пусть пока посидит, – посоветовал Николаич.

Касса была закрыта. На палубе парома маячил вахтенный с повязкой на рукаве. Александр подошёл, спросил. Оказывается, рейс отменили из-за штормового предупреждения.

– Слушай, у нас проблема, ночевать негде... – начал Александр.

– Бесполезно, кэп не разрешит.

– А если я с ним поговорю? У нас командировки, мы из экспедиции.

– Не, не получится. Нас проверяют. Прошлый раз рыбаков ночевать пустили, так его чуть диплома не лишили.

Александр закурил, поплёлся к машине.

– Штормовая, Николаич. Спасибо вам, что довезли. Сейчас мы быстренько вещи заберем.

– И что?

– Да вон в кустах палатку поставим да переночуем – не привыкать.

– Ещё не хватало, чтобы ты у меня в посёлке на улице ночевал! Садись в машину! – приказным тоном сказал Николаич. Александр молча полез в кузов, понимая, что так будет лучше.

Минут через десять остановились.

– Вылезайте. Василий, помощи с вещами.

– Куда мы сейчас? – шёпотом спросила у мужа Зоя.

– Откуда я знаю?

– У нас переночуете. И не возражайте! Зюечка, я вас лично приглашаю в гости, – игриво поклонился Николаич.

– Если вы приглашаете, я с удовольствием! – в тон ему ответила Зоя.

Ввалились в квартиру и сразу почувствовали себя неудобно. Чистая, светлая, можно сказать, богатая квартира, и они – в замызанной робе, давно не мытые, ещё и с рюкзаками и с собакой. «Лучше бы у причала заночевали» – подумал Александр.

– Зюечка, давайте в ванну, вот полотенце. А вы, Саша, пока переносите вещи вот в эту комнату. Она ваша, располагайтесь, как дома, – взяла правление в свои руки Алевтина.

К тому времени, когда все приняли душ, а Зоя даже ванну, хозяйка уже накрыла стол. Николаич свежевыбритый, в белой рубашке взял в центре стола бутылку дорогой иностранной водки, всю в росинках – из холодильника, налил всем в хрустальные рюмки.

– Давайте выпьем за наше знакомство! Вы люди хорошие, интересные, с вами приятно.

Ледяная водка пошла хорошо. Закуска была на скорую руку, но изысканная. Зоя с Александром ели с удовольствием. Зоя подняла рюмку:

– Я хочу выпить за хозяев этой прелестной квартирки, за вас, Алевтина Петровна и Иван Николаевич. Ещё четыре часа назад мы были на берегу моря, а сейчас сидим у вас за столом, и ванночку даже приняли. За вас!

Третий тост сказал уже слегка захмелевший Александр.

– А я предлагаю выпить за прекрасное место – полуостров Дымова, где такая замечательная природа, где жили древние люди, и где мы с вами встретились!

Спали как убитые, в мягкой постели на чистых простынях. Норд, которого Алевтина закармила с вечера колбасой, спал на ковре, лёжа на животе и раскинув лапы.

Утром за окном хлестал ливень, летели листья и сломанные ветки, по улице вода шла рекой. Николаич позвонил по телефону и сообщил, что сегодня парома не будет.

– Так что отдыхайте, набирайтесь сил. Я на работу.

– А вы разве не в отпуске? – спросила Зоя.

– Да в отпуске! Но видите – тайфун, а я в комиссии по ЧС. Должность обязывает.

После завтрака Зоя стала расспрашивать Алевтину о цветочках, свисающих из настенных горшков. Они нашли общую тему и протараторили до обеда. Александр был даже рад, что на него не обращали внимания. Он вытащил вещи из рюкзаков, перебрал, сложил аккуратно, и всё поместилось. Потом стал осматривать книжные полки. Две полки занимали книги по бухучету – это явно Алевтины. На полке Николаича, понятно, что это была его полка, стояли книги по администрированию, сборники каких-то кадастров, тут же книга «Автомобиль», несколько журналов «Охота». Александр полистал журналы. Потом пошел в зал, где женщины всё ещё говорили о цветах. Там в серванте тоже были книги: сказки, несколько женских романов, дальше целая подборка брошюр по психологии, книги по эзотерике. Александр вытащил несколько, полистал. Открыл книжку «Жизнь после смерти» и зачитался, стоя у серванта.

– Алевтина, скажите, кто это у вас читает?

– А, – это дочкины. Она в юности увлекалась. Если хотите, берите себе, они ей не нужны. Лежат у нас годами, выбросить жалко, а мы с Иваном такое не читаем.

– Вы знаете, я бы взял почитать, а потом я вам пришлю.

– Да никому она не нужна! Берите, мы только рады будем.

Александр сунул книжку в карман рюкзака.

К вечеру дождь начал стихать. Николаич пришёл поздно, явно усталый.

– Ну что там, Ваня, всё нормально? – спросила Алевтина, накрывая на стол.

– Да, в общем, всё благополучно. Дерево завалилось – линию порвало, да в таком неудобном месте! Две бригады пришлось посылать. Да ещё два клоуна на рыбалку попёрлись на «Жигулях». Да ты их знаешь, Аля, – Пьянковы отец с сыном. Есть тут у нас такие, – сказал он в сторону гостей. – В семье не без уроды! На тягаче за ними ездили, еле успели выдернуть. Там наша Грязнуха, как Енисей, деревья несёт – жуть! Ну а в остальном всё нормально. Как обычно, где-то крыши протекли, где-то провода замкнуло. Саня, Зоя, утренний паром пойдёт по расписанию в шесть тридцать. Наша машина в город идёт. Я сказал водителю, чтобы вас забрал. Он и в городе вас подвезет. Вы где живёте?

– На Мордовской.

– Ему как раз по пути. Заедет в шесть часов, так что с вечера приготовьтесь. Да перестаньте, Зоя, никаких проблем. Всё равно ведь машина пустая идёт, – прервал благодарности Николаич. – Вы бы лучше телефончик мой записали, вдруг пригодится.

Александр записал. Написал на листочке свой адрес, телефон, протянул Николаичу.

– Будете в городе, обязательно заходите, мы будем очень рады!

– Да я если там и бываю, то только по делам. Да и ночевать у меня в городе – тридцать три места. Так что вряд ли, не обижайтесь. А вот вы всё равно ещё на раскопки приедете, вот и заходите. Может, помощь понадобится, в том числе и административная – всегда пожалуйста!

После ужина вышли на балкон покурить. На западе, за бухтой облака уже освободили край ещё светлого неба с первыми звёздами.

– Саня, ты только не обижайся, можно тебе вопрос задать? Кто ты по национальности? Вроде что-то в тебе китайское что ли? А фамилия – Забда – похоже, украинская?

– Национальность я и сам не знаю. Русский я, советский, – пошутил Александр. – А фамилия по деду, он из Маньчжурии был. Я хотел узнать, что она означает, да у нас маньчжурские словари не продаются. А иначе, как узнаешь?

– А дед кем был?

– Бабушка рассказывала, что он пришёл из Маньчжурии, через Уссури. Они тогда в станице Казаково под Хабаровском жили. Кузнецом работал в кузне. В партизанах был. Япошек отстреливали во время интервенции. Она говорила – герой был, стрелял очень метко, уважали его все, постоянно Змеем звали. Змей, Змей – почему Змей? Может, его партизанская кличка... А когда в тридцатые годы китайцев и корейцев выселять стали, и за ним пришли. Он хитрый был, бабушке сказал, чтобы задержала, а сам в окно – и в тайгу. И пропал. Бабушка до самой смерти ждала, всё думала, что он в Маньчжурию опять ушёл. А там, сам знаешь, то японцы оккупировали, потом война. В сорок пятом наши Китай заняли, многих русских эмигрантов в лагеря посадили. Потом хунвейбины... Я посылал запрос в казаковский архив, хотел хоть что-нибудь узнать. Но, оказывается, архивы сейчас тоже деньги зарабатывают. Простят оплатить работу, а результат не гарантируют. И деньги немалые по моей зарплате. В общем, так это дело и завязло.

– Так слушай, Саня, давай запрос от моей администрации пошлём.

– Но я же здесь даже не прописан.

– Да кто будет спрашивать? Ты документы подготовь, всё, что знаешь, напиши. Придумаем формулировочку, обоснуем необходимость. Отдам секретарю, и само всё сделается.

– А было бы здорово, Николаич! От чего другого отказался бы, а такой подарок от тебя приму. Спасибо!

– Да что, спасибо? Нет проблем, Саня. Приготовь бумаги и привези, или передай с кем-нибудь. В общем, созвонимся.

## 3

Как всегда после долгого пребывания среди природы, город шокировал шумом дымом и мусором. Конечно, встреча с детьми была желанна. Они, молодцы, прожили самостоятельно почти месяц. Правда острый родительский глаз усмотрел за внешней чистотой недавней генеральной приборки кое-какие мелочи, рассказавшие и о компаниях с выпивкой, и о том, что посуда не мылась подолгу. Но виду родители не подали. Ребята уже большие, пора им привыкать жить самостоятельно, делать свои ошибки и самим их исправлять.

Норд с энтузиазмом обнюхал все комнаты, особых изменений не обнаружил и попросился на улицу, где в его отсутствие вражеские собаки наверняка нарушали границу. Во всём доме Норд один гулял самостоятельно и держал под контролем прилегающую территорию. Через час, восстановив границы, он вернулся, поел и лёг спать. Теперь он всю зиму будет ждать следующей экспедиции, где снова можно будет жить настоящей собачьей жизнью.

Александр, глядя на собаку, признался себе, что на самом деле в городе он тоже не живёт полноценной жизнью, а просто выполняет необходимые человеческие обязанности, а сам ждёт следующего путешествия.

Они с Зоей оба романтики, даже познакомились во время биологической экспедиции на берегу океана. А потом исколесили полстраны в поисках лучшего места. Но лучшего не нашли, потому что всё постоянное быстро приедалось и тянуло к чему-то новому, неизведанному.

Александр не надоедало в море, и он неоднократно устраивался на суда, но не мог без Зои, и через пару рейсов увольнялся. Последний раз устроился матросом на спасательное судно. Это была работа по душе! Ему нравилось острое щемящее чувство риска, когда перепуганные люди с тонущего судна спешили перебраться на «спасатель», в то время как он в составе аварийной группы опускался в затопленные отсеки. Его пьянило чувство, когда через много часов, измученные безостановочной работой, они осознавали, что спасли безнадёжное судно, что победили. Хорошая была работа! Когда надо было кого-то спасать. Но происшествия случаются редко. Остальное время судно стояло в готовности. А в таком режиме увольнения на берег запрещены, посетители на судно не допускаются. Команда дурела от скуки месяцами в прямой видимости от дома. И Александр в очередной раз уволился.

Выручил старый товарищ, старпом Асеев с того же «спасателя». Они сдружились, когда в осеннем Охотском море всю ночь спасали несамостоятельную баржу с двумя людьми. Баржонка-то была совсем маленькая, без механизмов, без огней. И экипаж на ней совершенно потерял волю и не пытался помочь спасателям. Шторм был ужасный, море кипело, началось обледенение. А рядом, как хребет дракона, скалы необитаемого острова. Спасли. Успели в последний момент.

Асеева перевели начальником учебной части на учебно-тренажерное судно «Урал», и он пригласил Александра работать там матросом. Судно было старое, времен войны и уже не могло ходить в море. Его поставили у причала, оборудовали внутри учебные классы, помещения под общежитие, и стали обучать на нем специалистов для плавсостава. Матросы работали сутки через трое. Александр быстро оценил удобства такой работы, тем более что зарплата здесь была даже больше, чем на «спасателе». Свободного времени появилось много. Вот тогда они с Зоей и с детьми и стали путешествовать. Сначала ходили недалеко, на один день, потом с ночевками, а если удавалось подмениться, то и на неделю. Теперь они не помышляли о смене работы или о переезде. Они открыли, что им хорошо быть вместе среди чистой природы. И это им не надоедало никогда.

С перестройкой пришла хроническая нехватка денег: зарплата повышалась нечасто, зато цены росли на глазах. Дети выросли, поступили в ВУЗы, за учебу надо было платить. Зато

стало позволительно работать на нескольких работах. И Александр работал везде, где было возможно. Конечно, в перерывах между вахтами теперь в походы не ходили. Но отпуск считали своим временем и обязательно отправлялись путешествовать. Правда, теперь старались совмещать путешествие с заработком. В этом плане им помогало знание археологии.

Однажды пришлось ночевать неподалеку от полевого лагеря археологов. Сходили посмотреть на настоящие раскопки, ради любопытства напросились помогать. Руководил раскопками кандидат исторических наук Наумов. Он был рад неожиданным помощникам – на полевых всегда не хватает рабочих рук. Им понравилось, и они остались до конца отпуска в археологическом отряде. На следующее лето Наумов снова пригласил всю семью на раскопки. Потом были археологические разведки. Это нравилось больше: путешествия и открытия совмещались при полной самостоятельности и автономности. Отчёты Александра принимались с положительными оценками, и теперь он имел официальное разрешение на археологические разведки. Он стал читать специальную литературу, кое в чём разобрался и считал себя достаточно грамотным в археологии. Наумов всячески поддерживал инициативу добровольных помощников.

Разведку этого года они планировали сами с тем, чтобы побывать в интересных местах. Наумов ничего особенного не ожидал от этой территории, но обещал выкроить из гранта кое-какие деньги.

Сразу по возвращении Александр позвонил Наумову:

– Лёша, привет! – они уже давно были на «ты».

– Привет, Саша! Рад, что вы вернулись. Всё у вас нормально, без происшествий?

– Да, в общем нормально. Поголодали немного. Отдыхающие выручили. Они же и вывезли в Лазурный прямо перед тайфуном. Знаешь кто? Сапрыкин Иван Николаевич. Ты с ним не знаком?

– Сапрыкин? Это из Лазурненской администрации? Мы с ним пересекались. Мне показалось, суровый мужик. От него в районе многое зависит.

– А мне показалось – нормальный человек. Мы с ним водку пили и даже ночевали у него дома.

– Это замечательно! Он, в случае чего, может здорово помочь.

– Он и сам предлагал.

– Ну, Саша, чем порадуешь, нашли что-нибудь?

– Да есть кое-что. Пять памятников, из них три на Дымова. Надо бы встретиться.

– Саша, для тебя – всегда пожалуйста, свободный доступ к телу! Если хочешь, приходи завтра утром. И паспорта захвати, я вас тут в ведомость включил. Сумма не большая, но хоть что-то...

– Лёша, это же превосходно, в кармане полный ноль!

На следующий день Александр с находками поехал в университет. Наумов был «совой», поэтому, если не было крайней необходимости, утро для него начиналось, когда у Александра уже приближался обед. Встретились в одиннадцать. Наумов, зная вкусы Александра, сразу включил чайник. Александр стал показывать материалы, приберегая находки из последнего шурфа на конец. Наумов перебирал черепки, смотрел на карте расположение памятников, делал короткие замечания по поводу возможного происхождения поселений, похваливал Александра. Но было видно, что ему не очень интересно – не его тема. Начали разбирать материалы поселения Дымова-3. Александр показывал сначала материалы верхнего слоя.

– Да, это классическая горинская культура. И такой насыщенный памятник, столько материала! Молодцы вы, – говорил Наумов. – Покажи, где это находится? Да, местечко для горинцев подходящее – полуостров, закрытая бухта, в ней полно рыбы и моллюсков. Что бы им там не жить?

– Знаешь, там на всем полуострове Дымова нет воды.

– Ну, наверное, тогда была. Хороший памятник!  
– Лёша, это ещё не всё. Взгляни на это, – Александр стал раскладывать на столе находки из зареченского слоя.

– Саша, это же песня! Это же «зареченка»! Где ты её нашел?

– Да в том же шурфе. Нижний слой.

– Да-а, это вам не кило докторской! – приговаривал Наумов, рассматривая керамику. – Ты посмотри, какой орнамент! Очень похожий встречался, кажется, на западном побережье Хонсю. Надо посмотреть в японских публикациях. Если это то, о чём я думаю, то японцы будут в восторге. Они давно ищут связи своей древней культуры с материковой, подразумевая при этом, что культура распространялась с японской стороны. До сих пор не нашли, но очень хотят. Осенью приедет доктор Окимура, я ему покажу. Очень может быть, что он заинтересуется, и тогда мы устроим большие раскопки на твоём памятнике. Мне крайне необходим материал по зареченской культуре. Я давно говорил, что ты для меня подарок судьбы! Кстати о подарках... – Наумов открыл сейф, достал ведомость. – Расписывайся, и паспортные данные впиши.

Сумма на двоих с Зоей была сравнима с трёхмесячным заработком Александра.

– Ну спасибо, Лёша, ну ты нас выручил!

– Взаимно! Я старался. Удалось немного урвать для вас, правда, не столько, сколько хотелось. Будем надеяться, что японцы захотят копать этот памятник, вот тогда будет и настоящая зарплата.

Начались беспросветные городские будни. Зоя вышла на работу в свой Ботанический сад. Работа с любимыми растениями доставляла ей удовольствие.

Дети пошли учиться. Ира с восторгом рассказывала о психологических тестах и тренингах. Она училась в университете на психфаке и очень этим гордилась. Юра перешёл на третий курс компьютерного дизайна в политехе. Он учился легко, относился к учебе снисходительно, и не скрывал, что учится ради диплома.

Александр работал с надрывом. С нового учебного года подняли цену за обучение детей, увеличилась плата за квартиру, за транспорт и вообще за всё. Поэтому он устроился ещё сторожем в контору строительной организации, тоже сутки через трое. Платили и здесь не много, но вся работа заключалась в том, чтобы с девяти до семнадцати сидеть за столом и спрашивать посторонних, к кому они идут, а после семнадцати закрыться и никого не пускать до утра. Поскольку оставалось ещё два свободных дня, а денег всё равно не хватало, Александр устроился в ближайший магазин грузчиком с графиком день через день по двенадцать часов. В магазине приходилось попотеть на разгрузке машин, продавщицы не давали покурить:

– Мальчики! У меня товар кончается. Где вы там пропали? – кричала продавщица. И злые «мальчики» в черных засаленных халатах, обоим под пятьдесят, таскали по узким проходам тяжёлые ящики, вскрывали их монтировкой.

– Мальчики! Уберите у меня тару, не могу развернуться за прилавком! – кричала одновременно другая, как будто она без тары могла развернуться с такими «буферами».

Зато в эти дни Александр ночевал дома, мог поговорить с женой и детьми, и даже иногда починить кое-что из вечно ломающейся старой домашней утвари.

В конторе Александр отсыпался, иногда читал. А на судне писал отчет по экспедиции. Начальники знали его странные увлечения археологией, и закрывали глаза на то, что он что-то писал, когда дежурил ночью в пустом отсеке учебной части – по крайней мере, не спит на посту. Его уважали, но не понимали. После отпуска как всегда навалились с расспросами:

– Ну что, Санёк, накопал рюкзак золота? Расскажи, где был?

Александр подробно рассказывал о путешествии, о красивых местах, о раскопках.

– Деньжищ наверно огреб? Бросишь нас теперь, дело заведешь.

– Да, немного заплатили...

– Слушай, Саня, ну какой интерес работать, если не платят?

Он не мог объяснить, какой интерес, отшучивался, просил поставить в график так, чтобы ночью дежурить в пустом отсеке.

Подошёл конец ноября. Ледяной северный ветер прохватывал насквозь на автобусных остановках. Надо было форсировать работу с отчётом. Наумов торопил. Он собирался в начале января в командировку в Москву и непременно хотел сам отвезти в Полевой комитет отчет Александра. Александру же катастрофически не хватало времени.

– Саша, отчёт пишется две недели. Ну что ты его вылизываешь?

Ну как ему объяснить, что нет у него этих двух недель, что редко удастся заняться отчётом больше двух часов в сутки. Да и не любил он спешить, хотелось всё сделать правильно и красиво. Он уже начертил все планы, сделал описание работ. Осталось описать находки и зарисовать наиболее интересные экземпляры. Пришлось возить пакеты с керамикой и каменными изделиями на судно. Дошла очередь и до поселения Дымова-3.

Александр разложился за столом учебной части, включил настольную лампу, высыпал на стол горинскую керамику. Впереди было четыре часа спокойной вахты в этом отсеке. Он тщательно срисовывал с черепков сложный орнамент, думал:

– Сколько же труда приложил человек, чтобы всё это сделать! А ведь почти наверняка это была женщина. Старалась! Вот бы посмотреть, как это было на самом деле.

Он нарисовал несколько черепков. Глаза стали слипаться. Заездили вчера в магазине, а вечером допоздна помогал Ирке писать курсовую. А как хотелось закончить с этой керамикой сегодня! Нет, надо немного вздремнуть, потом легче работаться будет. Он отвалился спиной на спинку стула, вытянул ноги, уравновесил голову, чтобы не свешивалась набок, и задремал. Это неправда, что он никогда не спал на работе. Просто он умел это делать так, что во сне контролировал ситуацию, а в случае тревоги просыпался мгновенно. Эту способность он приобрел еще во время службы в армии, где иначе было просто не выжить, поэтому, никогда ни один проверяющий не застал его спящим.

Ния сидела на камне у входа в жилище. Короткая не застегнутая безрукавка, сплетенная из травяных волокон, прикрывала только спину и плечи, оставляя открытой красивую смуглую грудь. Длинные чёрные волосы перевязаны на затылке шнурком. Короткая юбка из свободно висящих на поясе лыковых полосок едва прикрывала интимные места. Ноги широко расставлены. На внутреннюю поверхность левого бедра она поставила ещё сырой горшок, придерживая его изнутри правой рукой. Острой палочкой в другой руке она наносила узор по сырой глине. Было жарко.

– Смотри, какой горшок я слепила. Красивый? Будет в чём зимой варить мясо, когда смелый охотник Забда добудет кабана. Я рада, что ты пришёл, я так тебя ждала! Я приготовила тебе много вкусной еды. Заходи в дом.

Ему было сладко смотреть на неё. Он знал, что она – его женщина. Он чувствовал гордость от её похвалы и был уверен, что добудет для неё много зверей.

– Что, Саня, всё рисуешь? – От тёмного проёма двери приближался вахтенный помощник.

– Да рисую помаленьку, Васильич, – открыв глаза, бодрым голосом ответил Александр, с трудом приходя в себя. – Забодало это рисование!

– И оно тебе надо? Вон Лемешев в третьем отсеке дрыхнет, еле растолкал! И ты бы втихаря вздремнул.

Васильич был добрым мужиком, не сторонником строгого соблюдения всех служебных правил.

– Надо рисовать, Васильич. Отчет нужно написать, а то разрешение на следующий год не дадут. А искать я люблю.

– Ну и искал бы сам. Кто за тобой следить будет?

– А куда потом девать то, что найду? К нелегальным материалам ни один учёный не приронется, их публиковать нельзя. И пропадёт просто так историческая информация.

– Ну, рисуй, – согласился Васильич уходя, хотя было заметно, что он не совсем понял объяснения.

Александр закурил. «Чёрт принес этого Васильича! Такой сон испортил! Чуть я перед ним не прокололся. Опять Ния снилась! И коленки в глине... Симпатичная! Давно не снилась. Когда же был последний сон с ней? Ещё на Дымова. И больше не снилась. Интересно, почему? И почему приснилась сегодня?»

Он вспомнил, что перед тем как заснуть, подумал, что интересно было бы посмотреть, как делался орнамент на керамике. Ярко увидел, как Ния процарапывает узор. Он схватил черепок. Она рисовала этот же орнамент! «Вот это да! Нет, я не сумасшедший! Надо в этом разобраться». Он закурил ещё одну, взял лист бумаги и попытался систематизировать факты.

«Когда она приснилась в первый раз? Когда мы с Зоей стали лагерем на полуострове Дымова. Почему? Нет ответа. Она снилась три ночи подряд очень коротко, и говорила только „Возвращайся скорее“. Потом сказала: „Я рада, что ты близко“ – это когда я напился с Николаичем. Какая связь? Нет ответа. Потом повела меня к камню на мысу, просила обещать, что не забуду её (а ведь в городе ни разу и не вспомнил!). В тот день мы копали шурф Дымова-3. Почему она приснилась в тот день? Может быть потому, что я перед этим был около того камня? Непонятно».

Больше в ту ночь он рисовать не смог. Ходил по отсеку, курил и думал до конца вахты. И ничего не придумал. После вахты сразу поехал в магазин. И завертелась та же карусель. Там уже было не до размышлений. После бессонной ночи надо было выдержать двенадцать часов в магазине, чтобы добраться до дома, поесть и упасть спать. На следующий день он взял археологические материалы на дежурство в строительную контору и твердо решил работать над отчётом не отвлекаясь, пока не закончит.

Теперь он не спал совсем и на судне, и в стройконторе, и каждую свободную минуту работал. К концу декабря с облегчением отнёс отчёт Наумову.



## 4

Освободившись от отчёта, Александр позволил себе расслабиться. Во-первых, ото-спался, в том числе и на вахте. Сразу улучшилось настроение, почувствовал желание жить. Потом навёл порядок в экспедиционных бумагах. Он терпеть не мог беспорядка, любил, чтобы всё лежало на своих местах, было подписано, а лишнее должно быть выброшено. Перебирая черновики, наткнулся на бумагу с размышлениями о сне. Повертел, хотел выбросить, но передумал и отложил в сторону. Когда всё было разложено по папкам и убрано, на столе остался только этот листок. Не придумав, куда его деть, Александр так и оставил его на столе, а утром, собираясь на вахту, сунул в карман вместе с маленькой книжкой о животных.

Было воскресенье, на судне почти никого. Александр любил воскресные вахты за то, что никто не мешал заниматься своими делами. Вахта у трапа ему выпала с двадцати до двадцати четырех. Дул морозный северняк. Александр энергично, насколько позволял тулуп, ходил от борта к борту, чтобы подольше не замёрзнуть. О чтении не приходилось и думать – не июль! Город на сопках расцвётился огнями, светофоры мигали жёлтым светом, и всё это отражалось в чёрной воде между плавающими льдинами. На небе проявились слабенькие звёзды (в городе всегда звёзды видны плохо), а на западе, над самым горизонтом ярким фонарем висела Венера. Красиво! Вспомнились вечера на полуострове Дымова, там тоже над морем висела Венера, и они с Зоей ею любовались. Делать было нечего, мысли текли, куда им хотелось. Вспомнилось, как они с Зоей ложились спать в тесной палатке, прижимаясь друг к другу. Потом вспомнились необычные сны с Нией. Он снова стал искать причины этих снов, вспоминая все подробности. Сон, сон... «Мы плод чьего-то сновиденья» – припомнилось вдруг высказывание из какой-то заумной книги, которую очень советовал прочитать Наумов. Там сложно и запутанно объяснялась связь мифов и сновидений. Он с трудом её осилил, но толком ничего не понял. А сейчас вот всплыла эта фраза. Кажется, бушмены считали, что они на самом деле не живут в этом мире, а только сняты некоему божеству.

«Несуразица какая-то, – подумал Александр. – Это получается, что я не живу, а снюсь Ние, – он посмотрел на сопки, сплошь застроенные городом, и усмехнулся. – Да если бы древним людям снились сны о нашей действительности, они бы все сошли с ума. Ну, хорошо, пойдём от неизвестного, как в теореме. Предположим, что в каком-то другом измерении действительно существует Ния, и я ей приснился. Но я ведь снюсь ей в её обстановке, в её селении, в таком случае она не сойдет с ума. Пока всё нормально. Действительно, почти во всех снах я видел её около её жилища, вернее я знал, что это мой дом, а она моя жена. И ещё мы ходили на мыс, где скала и камень со змеёй. И получается, что её жилище находится на месте поселения Дымова-3».

Его увлекло это фантастическое расследование. От быстрой ходьбы он согрелся, откинул воротник тулупа, полез в нагрудный карман за сигаретами и вместе с пачкой вытащил листок с анализом снов. Под тусклым фонарём прочитал.

«Ну, если посмотреть с сегодняшней точки зрения, то на некоторые вопросы можно найти ответы. Она сказала „Я рада, что ты близко“, когда я начал копать шурф на Дымова-3, но не докопал и ушел к отдыхающим. Если считать, что Ния живёт на этом поселении, то понятно, что она радуется, что я скоро докопаюсь до её слоя. Класс! Сценарий фантастического фильма! И с первыми тремя снами всё проясняется: мы же перед тем, как стать последним лагерем, проходили по той дороге, то есть прямо по древнему поселению. А с камнем на мысу? Да и там всё понятно: у людей с поселения Нии там было ритуальное место. Песок и принесение жертвы во сне, и раскопанный мной песок и керамика в действительности! Ничего себе! Так что, это правда? Вот это вывел доказательство! Значит, получается, что все сны с Нией связаны с моим нахождением в тех местах, где она живет или бывает. Как это проверить? Надо

ехать на Дымова и там ночевать. Стоп, а последний сон? Что же она на судне жила? Нестыковка. Жаль, такое доказательство поломалось!»

Он понимал, что всего этого быть не может, потому что не может быть никогда, но решение этой фантастической головоломки доставляло удовольствие. Кроме того, оно поглощало время. Вахта пролетела незаметно, и его сменили.

С нуля часов Александр заступил в третий отсек, где с удовольствием читал книжку про животных, написанную с большим знанием их повадок и с тонким юмором. А с четырёх до восьми дежурил в учебной части. К утру уже не читалось, потому что слипались глаза. Он то ходил, то сидел, стараясь всё-таки не уснуть. Бессвязные вялые мысли медленно проворачивались в сознании. То ли во сне, то ли в бреду увидел он черепок с орнаментом в своей руке, и тут же Нию, держащую на бедре горшок. Очнулся от чёткой мысли: «Сны связаны не с местами, а с предметами, которые были у Нии! В общем-то, это одно и то же: на тех местах, где бывала Ния, могли остаться предметы, которых она касалась, или которые ей принадлежали. Всё сошлось! Как проверить? Черепок с орнаментом! Надо взять черепок с орнаментом, который я рисовал, когда приснился последний сон. Сегодня понедельник, у Наумова лекции с девяти. Заеду по пути».

В университет он вошел без пятнадцати девять. Наумов был на кафедре.

– Саша, привет! Что тебя принесло в такую рань? Кому не спится в ночь глухую?

– Лёша, какая рань? Я только что с вахты сменился, на работу в магазин опаздываю, так что я на минутку. Скажи, ты ещё не сдал в архив мои материалы?

– Ещё не успел.

– Слушай, можно я возьму несколько черепков?

– Да, в общем-то, тебе всё можно, но я хотел их сдать до отъезда. Может тебе другие подойдут? Тебе зачем?

– Читаю книжку по керамике, хочу разобраться, надо бы иметь перед глазами натуральные образцы.

– О, образцов я тебе дам, сколько хочешь, хоть насовсем.

– Нет, знаешь, хочу свои, родные. Да я на днях верну.

– Ой, Саня, ты так не вовремя, у меня лекция уже начинается. Бери сам, что тебе нужно, только верни побыстрее.

– А где?

– Да вон, под столом. Где ты оставил, там она и лежит. Пока! – скороговоркой на ходу сказал Наумов и выскочил за дверь.

Александр глянул на часы – в магазине уже открыли двери. Да наплевать, не уволят. Открыл коробку с надписью «Поселение Дымова-3», вытащил пакет с горинской керамикой. Отыскал тот самый черепок – обломок венчика с орнаментом, взял еще штук пять, тоже с орнаментом, на всякий случай. И побежал на работу.

Вечером он еле держался на ногах. Но о черепках помнил весь день. Перед сном, пока жена была в ванной, вытащил обломки сосудов и остановился в нерешительности. Во-первых, он не отваживался начать эксперимент, тем более в таком усталом состоянии. Он знал, что шансов на успех почти нет, но если Ния не приснится, придёт разочарование. Во-вторых, он не знал, стоит ли рассказывать об эксперименте Зое. У них всегда было правилом делиться друг с другом всем, и плохим и хорошим, и никогда не было ни малейших секретов. Поэтому Александр чувствовал себя в какой-то мере предателем, если не расскажет Зое. С другой стороны, не хотел попусту ее беспокоить. Может и не будет никакого сна. Решил, что расскажет в случае положительного результата. Выбрал тот самый черепок и засунул даже не под подушку, а под матрац в районе головы.

Она медленно выходила из моря, совершенно раздетая, и улыбалась ему. Молодое упругое смуглое тело, мокрые чёрные волосы. Капельки воды сверкали под солнцем на груди и бедрах. К запястью правой руки привязан кожаный ремешок, соединенный с плывущей следом корзиной, поддерживаемой с боков, как поплавками, двумя короткими чурками, в корзине раковины. В другой руке шевелит лапами довольно крупный краб.

– Как хорошо, что ты пришёл, Забда! Сегодня доброе Море. Оно дало нам много еды. Сейчас я буду тебя кормить.

Она присела на корточках, разбила большую ракушку, губами и языком выбрала из нежного мяса мелкие осколки раковины и подала ему. Другую разбила и положила в рот себе. Жевала и улыбалась. Ему было хорошо. Он чувствовал себя молодым, сильным и уверенным.

– Пойдём домой. Остальное сварим в том горшке, который я тебе показывала. Пока тебя не было, я его высушила и женила с Огнем. Огонь был сильным и добрым. Он передал часть своей силы горшку, и теперь горшок не боится жара. В нем будет вкусная пища.

Они сидели рядом и смотрели в огонь под сосудом. И он искоса поглядывал на неё и любовался своей женщиной. Потом они пошли в жилище. Она развела маленький огонь в очаге и пришла на его лежанку. Легла рядом, прижалась, положила ладонь на его грудь. Ладонь была такая горячая!

Александр открыл глаза. Уличный фонарь освещает потолок. На будильнике половина седьмого. Зоя тихонько сопит, уткнувшись ему в плечо, её рука у него на груди.

«Получилось! У меня получилось то, что я задумывал! Эксперимент удался! Это потрясающе!»

Больше он не заснул. Лежал с открытыми глазами и вспоминал сон, обдумывал.

«Она красивая! Как хорошо с ней. Вообще, хорошо в том времени. Никаких забот: жена ракушек наловила, накормила, спать положила, сама рядом... Интересно, что она меня знает по фамилии. Ну, может, она и не так меня называет, а я воспринимаю, как свою фамилию. Надо будет ещё поэкспериментировать. Кажется, она и в прошлых снах называла меня „Забда“. Вообще, если я решил это исследовать, то надо записывать все сны. Память человеческая несовершенна».

Он встал до того, как зазвенел будильник, чтобы не будить жену. Черепок из-под матраца вынул и спрятал, а с собой взял другой. Отыскал в столе блокнотик, тоже взял.

В стройконторе с нетерпением дождался конца рабочего дня. Проверил, закрыты ли все помещения и входные двери, выключил весь свет, кроме настольной лампы, улегся на топчан за ширмой, положил под голову черепок. Но сон не приходил. Лезли в голову разные «посторонние» мысли о том, что денег опять не хватает, снова надо платить за квартиру, раньше обычного срока требуют оплатить второй семестр Ире. А уже на подходе Новый год. В последние годы Александр не любил этот праздник за то, что он пожирал огромное количество денег, а потом месяца два приходилось работать ещё больше, чтобы хоть как-то стабилизировать семейный бюджет. Потом вспомнил, что собирался записывать все сны с Нией. Достал блокнот и стал писать подробно всё, что мог вспомнить, с самого первого сна. Уже за полночь сильно захотелось спать.

Он сидел в жилище на своей лежанке и плоским камнем точил наконечник копья. Дым ел глаза. Сильный ветер периодически приподнимал край шкуры, завешивающей вход, и гулял по жилищу. Было холодно, но он не подавал виду. Знал, что дров очень мало, а в такую погоду, когда всё замело снегом, дров не добудешь. Напротив, на женской половине, ближе к выходу сидела Ния и молча чинила его обувь из рыбьей кожи. Выглядела жена плохо: исхудавшее лицо со многими морщинками с трудом можно было разглядеть под двумя капюшонами зимней одежды, чёрные потрескавшиеся пальцы часто соскальзывали с костяной иглы. Одна нога её

была вытянута, на ступню надета петля ремешка, соединенного с висящей на уровне головы плетеной люлькой. В люльке раздавался писк, и тогда Ния шевелила ступней, люлька покачивалась, и писк на время умолкал. У очага, с видом старшей в доме женщины, возилась девочка лет семи. Она экономно подкладывала дрова в слишком быстро прогорающий костер, и наверно чаще, чем нужно, вставала и помешивала в котелке длинной деревянной лопаткой. Запах из котла аппетита не вызывал – варились куски старых шкур и кости, не догрызенные собаками ещё летом, а теперь собранные вокруг жилища. По левую руку от Забды сидел сын, худенький мальчуган лет десяти. Он был одет в зимнюю охотничью одежду, с ножом на поясе, старался выглядеть очень серьёзным и тоже точил наконечник своего маленького копья.

Забда был угрюм. В этом году зима пришла слишком рано. Море и пролив замёрзли, ни рыбу, ни ракушки поймать стало невозможно. Таёжный зверь ещё не спустился с гор в прибрежные долины. А тут ещё такой снег выпал! Духи отвернулись от его семьи и от жителей всего поселения. Начался голод. Два дня назад он ушёл на охоту с намерением не возвращаться, пока не добудет зверя. В первый день он отыскал двух косуль и оба раза промазал, что с ним случается крайне редко. Он вымотался, идя по следу, но так и не догнал. Ночевал под корнями упавшего дерева. На следующий день дошёл почти до истоков ручья и там отыскал следы кабанов. Думал, что повезло, но злой дух привязался и шёл попятам. Стрела опять прошла мимо, и звери ушли. Он бросился в погоню. Стараясь угадать их движение, напрямик пересёк распадок, обогнул скалу и чуть не столкнулся с подвинком. Кабан хрюкнул и рванулся в сторону. Снимать лук не было времени, он метнул копье, которое постоянно было в руке. Копье летело точно, он это видел, но порыв ветра уже в пути сбил его с цели. Оно скользнуло по крепкой шкуре и отскочило. Кабаны ушли. Отыскав в глубоком снегу копье, Забда увидел, что наконечник обломан. Видимо злой дух направил его в твёрдый камень. Дальнейшая охота не имела смысла. Пришлось возвращаться домой без добычи. На обратном пути поскользнулся на крутом склоне и сильно порвал новую обувь так, что неизвестно, сможет ли жена починить. И теперь он сидел злой, пытаясь исправить наконечник копья (это был его самый удачливый наконечник), и думал о том, что как только Ния отремонтирует обувь, он уйдёт на охоту. Сын встал и, нарочито выставив свое отшлифованное до блеска копье, сказал:

– Отец, возьми меня на охоту! Ты же знаешь, как я владею копьем и стреляю из лука. Вдвоём у нас будет удачная охота, духи нам помогут!

Забда молчал. Сын ещё не прошёл обряд и не имеет права самостоятельно охотиться. Духи могут ещё больше разозлиться. С другой стороны, он действительно умеет обращаться с оружием и способен помочь. Может, действительно стоит взять его, только не разрешать стрелять первому, тогда табу не будет нарушено.

Резкий телефонный звонок. Пьяный голос:

– Катю позови!

В голове длинный фрагмент монолога из боцманской классики. Вслух сказал:

– Вы не туда попали, – бросил трубку. – Урод!

Хлебнул остывшего чая, выкурил сигарету, снова улёгся на топчан.

Солнечное морозное утро. Искрящийся снег слепит глаза. Они с сыном вдвоём тащат волокушу с тушей кабана по посёлку. Люди выходят из жилищ, поздравляют их. Они останавливаются только около своего дома. Сын, как и положено охотнику, не проявляет эмоций. Он молча ставит у входа своё маленькое копье. Мальчишки с завистью осматривают оружие: наконечник копья и часть древка алеют замёрзшей кровью. Забда вытаскивает из вскрытого брюха кабана печень, отрезает большой кусок. Сын делает тоже самое. Усталые, вдвоём они идут на мыс к полукруглой скале и кладут куски печени на камень Змея. Вернувшись, Забда говорит жене:

– Раздели мясо и раздай людям. Мы пойдём отдыхать.

Звонок:

– А чё, Кати нету?

Больше в эту ночь сны не снились.

## 5

В магазине день выдался тяжёлый. Но Александр работал, ничего не замечая вокруг. Он думал о своих снах. Домой пришёл разбитый. Зоя, подавая ужин, спросила:

– Что-то ты в последние дни всё молчишь, случилось что?

– Устал жутко. В конторе какой-то идиот спать не давал. В магазине три машины выгрузили. К Новому году товар завозят. Хозяйка хочет максимум на праздник сорвать, целыми днями икру мечет, грозитя всех уволить. Сегодня вообще истерика с ней была. Устал. Спать хочу.

– Сейчас поешь, и я тебя уложу. Тебе надо хорошенько выспаться. Может, тебе бросить этот магазин к чёрту?

– Ну да! А платить за учёбу, за квартиру, чем будем? Да вот, Новый год на носу...

– Кстати, я хотела тебя спросить, где мы будем встречать Новый год? Ты же не дежуришь тридцать первого?

– На «Урале» вахта первого с утра. Но тридцать первого магазин наверняка работать будет, судя по настроению хозяйки.

– У нас есть два варианта. Либо мы вдвоём остаёмся дома, устроим себе праздник, либо идем к Удоевым, там все наши собираются, нас зовут.

– А дети?

– Они хотят своей компанией встречать у друзей.

– Ты, конечно, хочешь в гости?

– Хотелось бы встретиться с друзьями. Тогда и дома ничего не надо готовить, не мыть потом посуду.

– Правда, давай в гости пойдем. Мне там и на судно ближе утром добираться, – решил согласиться с женой Александр. Она и так всё время никуда кроме работы не выбирается, пусть хоть ей будет праздник.

На ночь Александр положил под подушку сразу два обломка керамики. Они были очень похожи, возможно, даже от одного сосуда. Сон приснился.

Он подходил к посёлку со стороны косы. Осенние тростники стеной желтели по сторонам тропы. Посёлок выглядел как-то незнакомо. Он не знал, в чём отличие, но чувствовал что-то чужое. У крайнего жилища две женщины разделявали рыбу. Он подошёл уже близко, когда они заметили его. Несколько мгновений обе смотрели на него, затем с визгом бросились в дом. Через мгновение оттуда появился крепкий молодой мужчина, встал у входа с независимым видом, крепко расставив ноги.

– Ты кто? – спросил он недружелюбно. – Я тебя не знаю.

– Я Забда. Пусть в твоём жилище будут только добрые духи!

Мужчина смотрел на него, соображая, лицо его сделалось испуганным, потом злым.

– Отец моего отца дружил с Забдой. Забда давно на горе предков. Ты враг! – он круто развернулся и исчез в доме, но тут же появился вновь с копьём в руке. – Вра-а-г! – заорал он. – Вра-а-а-г!

Думать было некогда. Забда в прыжке повернулся и побежал обратно. Краем глаза он заметил выбегающих из других домов мужчин с оружием. За спиной слышалось сопение и топот босых ног – преследователь был молод и не хотел отставать. Он, наверно, уже предчувствовал, как с хрустом войдёт каменный наконечник в спину врага. Забда вдруг обрёл уверенность. Он знал, что нет ему равных в беге и в других соревнованиях. Ноги его отталкивались сильно и упруго, сердце билось мощно, как у зверя. Тростники кончились, песчаная коса, сужаясь, уходила в пролив, за которым был спасительный берег, поросший густым кустарником.

Он, не раздумывая, вбежал в воду, пробежал как можно дальше и поплыл. Кто-то из преследователей шлёпал по воде следом, другие остановились на берегу и стали стрелять. Две стрелы пронзили воду рядом с головой. Вдруг невыносимо-острая боль в правом плече. Он вскрикнул и сразу перестал ощущать руку. Вздыхнув поглубже, нырнул. Торчащая стрела, изгибаясь встречным потоком воды, причиняла нестерпимую боль, но он продолжал плыть под водой как можно дольше, зная, что натянутые луки ждут появления цели. Наконец, воздух кончился, он всплыл и со стоном, почти с воплем вдохнул, ожидая в ту же секунду боли от очередной стрелы.

– Сашенька! Саша! Тебе плохо? Что ты так стонешь? Проснись! – Теребила его Зоя. – Как ты ужасно кричал! Страшное снилось?

– О-о! – простонал Александр и повернулся на спину. – Спасибо, что разбудила. Плечо ужасно болит. Наверно и сон, поэтому кошмарный.

– Конечно, по три машины разгружать – будет болеть. Сейчас я тебе бальзамом плечо натру, ещё одним одеялом укурую, и всё пройдет.

Зоя растёрла ему плечо, намазала мазью, укрыла.

– Спи, мой хороший.

– Подожди, Зоя, на вот, положи на стол, – достал из-под подушки черепки.

Зоя замерла, спросила:

– Это ты зачем? У тебя с головой всё в порядке? Свихнуться хочешь? К Ние своей летаешь?

– Хуже, – улыбнулся он. – Туземцы меня убить хотели.

– Я выкину сейчас эту гадость!

– Не надо, я завтра должен её Наумову сдать. Всё нормально. Я тебе потом расскажу удивительные вещи, тебе будет интересно.

– Рассказывай сейчас.

– Если я сейчас начну рассказывать, то уже не засну. Всё нормально. Давай спать.

Он повернулся на бок и ровно засопел. На самом деле, сердце всё ещё тревожно билось и плечо сильно болело. «Доэкспериментировался! – думал он. – Вот так поймают во сне дикари и сожрут, не пожарив. Надо это прекращать. Но почему такой сон? Раньше всегда снилась Ния, семья, все меня знали, и вроде уважали, а тут приняли за чужого».

Зоя придвинулась, обняла, погладила легонько.

– Спи, мой родной!

Стало спокойно, тепло и уютно. «Какое счастье!» – скорее почувствовал, чем подумал Александр и уснул.

На вахте, как только появилась возможность, он в подробностях записал сон и стал его анализировать. Он твердо решил больше не спать с керамикой, пока не выяснит причину ужасного сна. И вообще, он взял все черепки с собой, чтобы завтра утром вернуть Наумову. Его размышления привели только к одному выводу: эта керамика была изготовлена гораздо позже, чем та, которую делала Ния, то есть после её смерти, когда и её и его уже забыли. Но ведь раньше сны вызывались только предметами, которые принадлежали Ние. Почему же теперь черепки от сосуда, сделанного другой женщиной, да ещё и в другое время тоже вызывают сны? На это он нашел два ответа: либо он обрел способность видеть прошлое по любым древним предметам, либо женщины, которых он видел в последнем сне, были родственницами Нии. Можно, конечно, попытаться проверить, но пока он не был к этому готов. Плечо всё ещё сильно ныло. Александр даже осмотрел его в зеркало, но никаких повреждений не обнаружил. Усмехнулся своей вере в реальность этих снов: «Конечно, это от ящиков в магазине». Ночью всё-таки вытащил керамику из пакета и сделал на каждом фрагменте маленькие пометки карандашом, какой черепок к какому сну относится.

Утром по пути заехал в университет.

– Лёша, привет! Я керамику возвращаю.

– Отлично! Сегодня после лекций отнесу в архив. Всё, пока, у меня лекция. Не перепутай пакеты.

– Не беспокойся, она же промаркирована.

Александр стал раскладывать черепки по местам. Последним оказался тот, который принёс сон, где раздетая Ния кормила его ракушками. Он не мог просто так расстаться с этим осколком, волшебным образом соединяющим его с удивительным прошлым. Рука задержалась над пакетом, он оглянулся и быстро сунул черепок в карман. В архиве всё равно не будут проверять сотни фрагментов керамики.

Новый год, как и договаривались, встретили у Удоевых. Был хороший стол. Возраст компании уже не позволял буйного задора, зато добавлял участникам остроумия, и было весело. До конца двадцатого века оставалось три года, и тема «дожить до третьего тысячелетия» доминировала и в тостах и в беседах. Большинство досидело до утра, в том числе и Александр, которому всё равно к восьми нужно было на судно. На вахте беззастенчиво отсыпался, потому что спали все, даже Васильич.

Следующий день был выходной, так как хозяйка, довольная предновогодним барышом, закрыла магазин на целых четыре дня. Александр вернулся домой утром, свежий с мороза. Норд первым бросился навстречу, завертел хвостом, подпрыгивая, пытался лизнуть в лицо, и пока Александр не почесал ему за ушами, не успокоился. Зоя и дети уже встали и ждали его к столу. Это был первый семейный завтрак в Новом году. Стали делиться впечатлениями о празднике. Зоя, оказывается, позаботилась о подарках, которые волшебным образом оказались под ёлкой. Ей тоже был подарок – большая шоколадка, красиво, с бантом упакованная, которую она тут же разломала на части и выложила на тарелочку. Александру было стыдно. Исправить промах было уже невозможно.

– А давайте пойдём в лес! – предложил он. – На улице отличная погода. Людей сегодня нет, транспорт свободный. Через сорок минут уже за городом будем.

Зоя была рада предложению. Юра с Ирккой тоже согласились. Быстро оделись по-походному, положили в рюкзак всякой вкуснятины. Норд, который угадывал все намерения хозяев, поднял невероятный шум, что значительно ускорило сборы.

У них было своё укромное местечко километрах в трёх от последней остановки автобуса, в узком распадке, заваленном буреломом. Сюда никогда не заходили горожане, тут было уютно и спокойно. Развели костёр, поджарили колбасу, потом пили чай с остатками праздничного торта. Денёк выдался тихим и солнечным, хоть и с морозцем. Ира с Юрой не могли долго сидеть, пошли бродить по окрестностям, Норд увязался с ними. Александр с Зоей остались у костра. Александр курил, смотрел в огонь под котелком. Вспомнился сон, в котором он сидел с Нией и смотрел в огонь под керамическим горшком, в котором варились ракушки.

– Саша, ты что такой молчаливый? О чем ты думаешь всё время? Ты устал, не спал на вахте?

– Да нет, наоборот сегодня выспался. Просто люблюсь огнём, мысли всякие...

– Я всё хотела тебя спросить, тебе тот сон ещё снится?

– Теперь не снится. Но я хотел с тобой посоветоваться, необычные были сны, я сделал кое-какие выводы. Интересно, что ты скажешь.

– Это хорошо, что не снится. Наверно отдохнул, переключил внимание. А о чем ты хотел посоветоваться?

– Сны мне не снятся, потому что теперь я могу их заказывать, а если не захочу, то их не будет. Это я выяснил экспериментально. Не перебивай, послушай внимательно. Сны с Нией мне начали сниться на Дымова, когда мы были рядом с древним поселением Дымова-3.



В городе они не снились. Я даже о них и не вспоминал. Когда стал обрабатывать керамику, опять стали сниться. Потом я керамику сдал и они прекратились. Для эксперимента я взял у Наумова несколько фрагментов и по очереди подкладывал их под голову. И каждый раз снились сны. Причем разные, но с Нией. Только один раз приснились незнакомые женщины и мужчина, который сказал, что Забда давно умер.

– Они что, и фамилию твою знают?

– Да. И Ния всегда называет меня по фамилии, по имени ни разу. Но это неважно. Я сделал вывод, что сны связаны с предметами, которые принадлежали Ние или её родственникам. Ну, если допустить, что в горинское время на этом поселении действительно жила какая-то Ния, и если поверить в переселение душ, или в путешествие во времени, то всё сходится – она была моей женой в прошлой жизни. Ну что ты так смотришь! Ты же знаешь, что я яростный атеист и не верю ни в бога, ни в чёрта, ни в гадалок, и все это считаю ахинеей, запудриванием мозгов. Но с другой стороны, почему не допустить, что необъяснимые вещи всё-таки существуют? Ну ладно, я ничего не утверждаю. Я только хочу сказать, что когда я кладу под подушку керамику, мне снится сон с Нией, если керамики нет, сна тоже нет. Ты мне веришь?

– Не знаю. То есть, тебе я, конечно, верю, но не могу поверить, что есть такая связь. А если она есть, то вполне возможно, что она психологическая. Ты кладёшь под подушку обломок древнего сосуда и подсознательно заказываешь сон. Кстати, твоя фамилия во сне тому доказательство. В те времена, наверно, и фамилий-то не было. И если допустить, что ты жил в том времени, то звали тебя по-другому. Ты сам подумай, какая вероятность получить одно и то же имя три тысячи лет спустя? Эти черепки до сих пор у тебя?

– Вернул Наумову. А он уже сдал в архив.

– Хорошо. А то я уже хотела сама попробовать слетать к твоей Ние.

– Тебе нельзя. Убить могут. Там адвокатов ещё не придумали. Это сейчас блондинки в цене, а горинцы тебя сразу на шашлык пустят. Я в прошлом сне еле убежал.

Александр подбросил полено в костёр, прикурил от тлеющей палочки, уставился в огонь.

– Что ты опять замолк?

– Лихо ты разрушила мои построения. Жалко такую сказку! Но послушай, а как же песок около камня? Он же был и во сне и на самом деле.

– Вот именно – сказку! По-моему, ты очень хочешь, чтобы это было на самом деле. Это просто какая-то навязчивая идея. Я очень тебя прошу, забудь об этом, переключись на что-нибудь другое. Я очень за тебя беспокоюсь.

Вернулись Ира с Юрой, румяные и довольные, стали рассказывать, как Нордик охотился за белкой. Короткий день близился к концу. Пора было возвращаться домой.

Александр решил действительно переключить внимание. Дома просмотрел книжные полки – что бы такое интересное и не толстое взять на работу почитать. Нашёл книжку «Жизнь после смерти», которую взял у Алевтины Сапрыкиной в Лазурном, да так и не прочитал. Положил в сумку вместе с продуктами.

В конторе тоже был выходной. Александр заварил крепкий чай, достал книжку и зачитался. Описывались свидетельства людей, переживших клиническую смерть, которые, якобы, видели всё, что с ними было после смерти. Книга представляла собой сборник научных статей, но Александр отнёсся к описанным фактам с недоверием. Ведь кроме рассказов самих пострадавших, не было никаких доказательств. А вот статьи о научных экспериментах показались чрезвычайно интересными.

Утром, как только вернулся домой, стал рассказывать Зое о прочитанном.

– Представляешь, полицейский подсоединил детектор лжи к растению и выяснил, что оно реагирует на собственную боль, на боль других растений и даже животных. А ещё выяснилось, что растения запоминают людей, которые ломают другие растения или убивают животных.

Выходит, они обмениваются информацией! Получается, если я ломаю ветки в лесу, весь лес меня воспринимает, как врага. А еще описываются случаи с людьми, которых реанимировали после смерти. Они отделялись от своего тела и всё видели, что с ними случилось, а потом попадали в иной мир и даже встречались с умершими родственниками.

– Саша, у меня сегодня ужасно болит голова. Давай ты мне в другой раз расскажешь. Ты завтракай и потом отдыхай, а я полежу.

– Ну, вот из-за чего ей болеть с утра? Знаешь, там очень интересные факты описаны. Я очень хотел бы, чтобы ты прочитала эту книжку.

Зоя в ответ промолчала, легла и укрылась с головой.

Это был последний новогодний выходной. Александр хотел заняться домашними делами, но они как-то не клеились. Зоя весь день не разговаривала, ссылаясь на головную боль. Его это раздражало и отбивало желание работать. Вместе с тем поднималось раздражение из-за того, что единственный выходной пропал зря. К вечеру они с Зоей всё-таки поругались из-за какого-то пустяка.

А потом начались «трудовые будни»: вахта на судне – магазин – дежурство в конторе – магазин, и так без просвета.

## 6

Недели через две Зоя неестественно веселым голосом сказала:

– Санечка, у меня к тебе интересное предложение.

– Какой-то необычный ужин при свечах? – в тон ей спросил Александр.

– У нас на работе есть очень хорошая женщина, ты её видел, высокая такая, симпатичная, волосы носит лошадиным хвостиком, Валентина Ивановна. Помнишь?

– Так ты что, хочешь меня с ней познакомить? – продолжал шутить Александр, не понимая, к чему разговор.

– Я хочу познакомить тебя с её сестрой.

– О! Это ещё оригинальней!

– Я не знаю, как тебе сказать... Она замечательная женщина, очень, очень хороший человек! Я бы хотела, чтобы ты с ней познакомился.

– Уж не склоняешь ли ты меня к альтернативным формам секса?

– Ну перестань, Саша, я серьёзно. Она очень хороший психотерапевт, работает в Центре психодиагностики, замечательный специалист.

– Что? Ну ничего себе! Ты с ней говорила обо мне? Ты меня в психи записала?!

– Ну что ты сразу ругаешься! Я так и знала, что ты такотреагируешь. Ты неправильно понял. Это не болезнь. Она сказала, что при хронической усталости могут появиться небольшие отклонения в психике. Но если их вовремя не устранить, то может развиваться серьёзное заболевание. Тебе надо с ней проконсультироваться. Она и телефон дала, сказала, примет в любой день без очереди.

– Сколько она с тебя взяла?

– Да причём тут деньги, Саша! Здоровье дороже всего. Я не знаю, что сделаю, если с тобой что-то случится!

– Какого чёрта ты плачешь? Ты не видишь, что я здоров? Я работаю день и ночь, какой больной выдержит такую нагрузку? Ты видела, какой отчёт я написал – диссертация! Психически больной может заниматься наукой?

– Да в науке сколько угодно ненормальных, может больше, чем в любой другой области. Она так и говорила...

– Что она говорила?

– Она предупреждала, что твоя реакция на предложение обследоваться может быть агрессивной, и это признак возможного заболевания.

– Шарлатаны! Какая реакция может быть у человека, которому говорят, что он псих? Она просто разводит тебя на деньги. Я, значит, буду впахивать день и ночь, и относить ей зарплату? Ничего у неё не выйдет! И я запрещаю тебе говорить с кем-либо о моих проблемах! У тебя на работе уже все знают, что твой муж ненормальный. Тебе теперь замечательно будет работать! Все сочувствовать будут. Люди любят сочувствовать!

Зоя со слезами убежала в спальню и закрыла дверь. А Александр ещё долго не мог успокоиться. Он не мог простить женской глупости, равносильной предательству.

– Я делился с тобой как с другом интересными вещами, думал, что ты поймёшь, что мы вместе обсудим необычное явление. А ты рассказала, можно сказать, интимные вещи всему свету, да ещё и психом меня объявила! – кричал он через закрытую дверь, понимая, что уже перебирает. Потом замолчал, выкурил две сигареты подряд и, не раздеваясь, лёг спать на диване.

Через несколько дней Зоя серьёзным голосом спросила:

– Саша, ты можешь сделать мне подарок?

Оставалась неделя до её дня рождения. Для Александра в последние годы подарки стали проблемой. На те деньги, которые он мог выкроить, ничего интересного нельзя было купить, а потратить четверть зарплаты на букетик зимних цветочков он не мог себе позволить. Зоя всё понимала и никогда не обижалась, что дарил он какие-то мелочи. Но никогда раньше она не заказывала себе подарков.

– Ради тебя я готов на всё! Заказывай.

– Правда? Ты, правда, готов на всё для меня?

– Зоя, ну я же тебя люблю!

– Саша, я очень тебя прошу, ради меня, давай вместе сходим к психологу. Я не нахожу себе места. Там ничего делать не будут, только поговорят. Скажут, что здоров, и я успокоюсь. Ну, пожалуйста!

– Ты мне не веришь. Тебе обязательно нужно, чтобы кто-то подтвердил, тогда ты поверишь. И когда, ты думаешь, я смогу пойти, если я каждый день работаю?

– Ну, попробуй отпроситься на одной из работ. Как-то же они обходятся, если у них человек заболел. Я очень тебя прошу!

– Я, конечно, огорчён твоим недоверием. Ладно, попробую отпроситься.

Особенных вариантов не было: в магазине однозначно не отпустят, в конторе просто не с кем подмениться, оставалось только поговорить с вахтенным помощником – всё-таки столько лет вместе на одном судне.

– Васильич, мне нужно четыре часа на следующей вахте по семейным обстоятельствам. Без объяснений.

– Без объяснений, так без объяснений. Значит надо. Хорошо, Санёк, что-нибудь придумаем. Тебе в какое время?

– Лучше с двенадцати до шестнадцати. Может, я и часом обойдусь, не знаю, как получится.

– Ладно, Саня, прикрою, делай свои дела.

На следующей вахте Александр отстоял четыре часа у трапа, переоделся и поехал к психологу. Ехать пришлось чуть ни через весь город. На нужной остановке вышел, и сразу увидел плакат на обычной жилой пятиэтажке: «Ваше душевное здоровье – в наших руках. Психодиагностика, коррекция психического здоровья». Шикарная дверь с торца дома, рядом не менее шикарная вывеска: «Независимый Центр психодиагностики и психокоррекции». Под вывеской ждала Зоя.

Вошли в роскошный вестибюль. Миловидная блондинка в голубом костюмчике немедленно оказалась рядом.

– Я рада приветствовать вас в нашем Центре! Скажите, пожалуйста, цель вашего визита.

– Мы к Виолетте Ивановне Корецкой. Мы с ней договаривались. Наша фамилия Забда. – сказала Зоя.

– Пожалуйста, проходите. Верхнюю одежду можно повесить вот тут. У нас не воруют. По коридору, третья дверь налево. Посидите минуту, Виолетта Ивановна вас пригласит.

Мягкий ковёр делал шаги бесшумными. На светло-бежевых стенах неяркие бра. Качественные двери кабинетов с табличками.

– Евроремонт! Неплохие деньги они имеют, – тихо сказал Александр.

– Ты во всём видишь что-то плохое. Перестань, настройся на доверительный разговор.

В момент, когда они подошли к третьей двери, она открылась. Стройная брюнетка лет сорока пяти в фирменном голубом костюме с улыбкой вышла навстречу.

– Здравствуйте, проходите, пожалуйста! Присаживайтесь. Давайте познакомимся. Меня зовут Виолетта Ивановна. С Зоей Николаевной мы уже успели познакомиться. А вы, наверное, супруг Зои Николаевны...

– Александр.

– А отчество?

– Забда Александр Владимирович.

– Очень приятно. Зоя Николаевна, мы с вами уже обсудили круг проблем, теперь хотелось бы побеседовать с вашим супругом, а вы пока отдохните в приёмной. Наша милая Леночка предложит вам кофе, занимательные журналы. Подождите нас немного.

Пока Виолетта Ивановна провожала Зою до двери, Александр осмотрел кабинет. Отделка неброская, но со вкусом, стол с компьютером, маленький журнальный столик с тремя креслами. На стенах в рамках лицензия на право деятельности, три диплома. Содержание прочитать не успел.

– Александр Владимирович, присаживайтесь в кресло поудобнее. Давайте сначала я внесу ваши данные в компьютер, а потом мы с вами побеседуем.

– Давайте сначала вы скажете, сколько будет стоить наша беседа.

– Это предварительная консультация, к тому же ваша супруга работает с моей сестрой, поэтому, совсем недорого. С Зоей Николаевной мы уже решили эту проблему, давайте не будем заострять на ней внимание.

– Как «решили»? Вообще-то, основная нагрузка по зарабатыванию денег в семье лежит на мне, и мы обычно вместе решаем вопросы оплаты.

– Это очень хорошо. Это признак настоящего мужчины, настоящего кормильца. А чтобы закрыть тему, я вам скажу, что самое дешёвое лекарство для людей с расстроенной психикой стоит раза в четыре дороже. Итак, я вношу ваши данные: Забда Александр Владимирович. Скажите мне дату вашего рождения. Адрес. Телефон. Отлично.

Она присела в кресло напротив, открыла папку с какими-то бумагами.

– Расскажите, пожалуйста, о своей семье.

– А что рассказывать? Жена, дочь, сын. Дети учатся, жена работает.

– У вас бывают конфликты с супругой?

– Да иногда поругаемся, по пустякам. Как в любой семье.

– А на сексуальной почве?

– Нет, в этом плане всё в порядке.

– А какие отношения у вас с детьми?

– С детьми нормальные отношения. Я ими доволен. Бывают, конечно, возрастные «взбрыки», но мы находим общий язык. Нормально всё в семье.

– С кем из детей у вас более доверительные отношения?

– Да с обоими. Дочка больше рассказывает о своих отношениях со сверстниками, с преподавателями, видимо потому, что она младше. А с сыном говорим больше о всякой технике, если время есть.

– Скажите, Александр Владимирович, вам нравится ваша дочь, как женщина?

– Вы знаете, я не рассматриваю её, как женщину. Она моя дочь. Другие девушки её возраста мне нравятся. Ну, молоденькие, привлекают внимание...

– Понятно. Теперь расскажите о своей работе, о начальнике, есть ли трения с сотрудниками.

– Я работаю на трёх работах. Отношения обычные рабочие.

– На трёх работах? Как же вы успеваете! И у вас никогда не бывает никаких трений с руководителями?

– Ну, начальники – они и есть начальники, они как бы всегда противники подчинённых. Но я честно работаю, и ко мне хорошо относятся. Только в магазине, где я работаю грузчиком, вредная хозяйка. Считает, что подчинённые должны работать без перерыва и сверхурочно, а зарплату всё время старается не додать.

– И вы с ней спорите?

– Не спорю, а ругаюсь! Я честно отработал – отдай мне честно заработанное. А она патологически жадная.

– И часто вы с ней ругаетесь?

– Да почти каждый раз.

– Значит, вы считаете, что стремление человека заработать большие деньги – плохое качество?

– Я считаю, что стремление заработать любой ценой, за счёт других – это очень плохое качество. Но какое значение всё это имеет? Я же пришел не о работе с вами говорить.

– Чтобы понять ваши проблемы, я должна выяснить ваше отношение к жизни. Ответьте, пожалуйста, еще на один вопрос: у вас есть хобби?

– Я же вам сказал, что работаю на трёх работах. Я дома только ночую, и то через день. Какое может быть хобби? Конечно, увлечение есть – археология, но этим я могу заниматься только во время отпуска.

– Это раскопки?

– Да, и в раскопках иногда участвую. Но мне больше нравится поиск древних поселений, которые ещё не известны.

– И вы раскапываете черепа, скелеты?

– Нет, захоронения я никогда не раскапывал. Обычно попадаются различные вещи – остатки материальной культуры.

– Эти вещи вызывают у вас какие-то эмоции?

– Ну, конечно! Представьте себе, тысячи лет назад кто-то слепил горшок, а вы его держите в своих руках! Иногда встречаются даже отпечатки пальцев людей, которых давно нет на свете.

– А вы хотели бы увидеть этих людей?

– Конечно! Ученые почти ничего не знают о тех временах. Очень хотелось бы узнать, как всё было на самом деле.

– Замечательно. Теперь расскажите о вашей проблеме.

– Да, в общем-то, никакой у меня проблемы нет. Это жена считает, что есть. Просто мне снятся сны, как будто я живу в первобытном племени. Очень реальные сны. Там у меня даже есть жена и дети. Но на моей реальной жизни это никак не отражается.

– И как часто снятся вам такие сны?

– Вот в этом есть загадка. Может, не зря я к вам пришел, и вы поможете мне это прояснить?

– Расскажите.

– Дело в том, что я могу вызывать эти сны с помощью древних предметов из раскопок. Мне кажется, что предметы, которые принадлежали моей жене в той жизни, во сне переносят меня к ней. Я проверял – это работает: кладу черепок под подушку, и снится сон, не кладу – не снится. Скажите, такое может быть?

– Это очень интересный случай. Чтобы разобраться в причинах, мне придётся вас еще немного помучить. Посмотрите, пожалуйста, на эти рисунки и скажите, что вы здесь видите?

– А что здесь можно увидеть? Я думаю, что это произвольно разлитая краска, а потом лист согнули и получились симметричные отпечатки.

– Но они вызывают какие-то ассоциации?

– Нет. Я вообще не воспринимаю абстракцию.

– Хорошо, тогда ответьте на эти вопросы.

И началось! Александр заполнял какие-то бессмысленные анкеты, отвечал на множество таких же бессмысленных вопросов.

– Давайте на сегодня закончим. Я должна всё это обработать и тогда мы посмотрим, какие получились результаты.

– Скажите, а можно эти результаты узнать по телефону?  
– Нам с вами лучше ещё встретиться. Может понадобится дополнительное тестирование.

– Вы считаете, что у меня не всё в порядке с психикой?

– Нет, нет, не надо беспокоиться. Есть небольшие нарушения. Их легко можно исправить. Походите к нам несколько раз, у нас отличные специалисты, всё откорректируем. И забудете про эти беспокойные сны.

– Да они меня не беспокоят, наоборот, нравятся. И я не хотел бы их забывать. Я только хочу разобраться в причине этих снов.

– Видите ли, Александр Владимирович, причина находится где-то в вашем подсознании. И если её не убрать, то могут быть более серьёзные последствия.

– Какие?

– Ну, самое серьёзное, что может вам угрожать, это стать пациентом другого заведения.

– Вы хотите сказать, что я могу сойти с ума? Но я чувствую себя совершенно здоровым! И у меня нет времени и денег на хождения по врачам.

– Мы не врачи, мы только корректируем отклонения в психике пациентов, если это возможно. Но, если вы жалеете денег и времени, то я вам скажу, что, отказавшись от нашей помощи, вы потом потратите и того и другого значительно больше. К тому же из-за прогрессирующих проблем вы можете потерять возможность работать. Так что выбирайте.

Александр был ошарашен. Он не доверял врачам, психологам тем более. Ему казалось, что во всей этой беседе кроется какой-то подвох. Но с другой стороны, если она права? Тогда действительно надо им сдаваться, пусть лечат. Но это значит разорить семью. Что делать?

– Вы знаете, я не могу так сразу решить. Мне надо подумать, посоветоваться с женой. Можно я позвоню вам на днях, когда решу?

– Да, да. Позвоните. И обязательно посоветуйтесь с супругой, она у вас умная женщина. Сейчас попросите её зайти ко мне на минутку. Пока вы одеваетесь, я скажу ей пару слов. Я с вами не прощаюсь, не затягивайте с решением, звоните.

Пока ждал Зою, Александр почитал прейскурант цен на услуги Центра и ужаснулся: все числа были четырёхзначными. Зоя вышла с улыбкой, энергично оделась. Но Александр сразу распознал её неестественность.

– Ну, что она тебе сказала?

– Все хорошо, Сашенька. Тебе надо будет только ещё несколько раз отпроситься с работы. Или давай, ты бросишь дежурство в конторе, там всё равно платят мало. Отдыхать будешь больше.

– Подожди, ты мне расскажи, что она тебе говорила целых десять минут.

– Ничего особенного. Она сказала, что нужно с тобой немного поработать и всё пройдет.

– Что пройдет? У меня ничего не болит! Ты видела «меню» у них на стенке? По-моему они хотят за наш счет хорошенько пообедать. Ты что, не можешь без слез поговорить?

– Все правильно...

– Что правильно?

– Она правильно сказала: у тебя агрессивное отношение к людям, особенно к тем, кто зарабатывает деньги.

– Та-а-к, что она еще тебе напела?

– Как тебе не стыдно! Человек тебе помочь хочет! Я с таким трудом с ней договорилась. Ты знаешь, как к ней трудно попасть?

– Что-то я не заметил очереди около её двери. А ты подумала, чем мы будем платить за детей, за квартиру, что есть будем?

– Давай что-нибудь продадим...

– Ты смеёшься? Что мы можем продать? Единственное, что покупают, я уже продаю, где только можно – себя. Но недорого дают! Ладно, Зоя, давай порешаем дома. Я на вахту опаздываю, подведу Васильича.

Через два дня, когда Александр вернулся домой, Зоя сказала:

– Саша, звонила Виолетта Ивановна. Она очень обеспокоена тем, что ты не звонишь, говорит, что нельзя затягивать процесс реабилитации.

– Зоя, какой процесс? Сейчас для меня лучшая реабилитация – поесть и поспать. Мы ещё ничего не решили. Что-то она слишком спешит. Это что, сердечный приступ, что нельзя затягивать?

– Давай сейчас, за ужином решим, когда ты пойдёшь на приём, и я ей позвоню. Она даже дала свой домашний телефон.

– Да не пойду я к ней! Не вижу необходимости. Идиотизм какой-то!

– Ну почему? Ну почему? Как ты можешь? Ты обещал мне!

– То, что я обещал, я сделал – сходил с тобой в этот центр. И больше не пойду! Не нравятся мне эти психологи. И деньги не хочу платить неизвестно за что. Я хорошо себя чувствую!

– Перестаньте кричать! – в кухню вошла Ира. – Уроки учить не даёте! Ну что вы ругаетесь опять?

Александр и Зоя умолкли.

– Вы что, к психологу ходили? У вас что, проблемы? Могли бы и со мной поделиться. Забыли, что я тоже почти психолог?

– Ира, все нормально. Мы с папой ходили в Центр психодиагностики и психокоррекции. Там очень хорошие специалисты...

– Куда?! А вы могли мне сказать? Нам этот центр сколько раз приводили как пример некорректного использования психотерапии. Расскажите мне всё подробно.

– Понимаешь, доча, мне стали сниться одни и те же сны. Ну, мама подумала, что это не совсем нормально, поделилась на работе. А там у одной сотрудницы сестра психологом работает, – и Александр подробно рассказал о встрече с Виолеттой Ивановной.

– Ну, вы даёте! Даже я со своими знаниями вижу сразу несколько ошибок в её обследовании. Во-первых, это нарушение этических принципов деятельности психолога, нарушение интересов клиента, разглашение профессиональной тайны, да вообще, кошмар, как они могут так работать! Да вы могли со мной посоветоваться? Это же чистый разводняк! Вас конкретно разводят на деньги! Папочка, не ходи туда больше. Вот бы тебе поговорить с нашей Светланой Викторовной, вот она действительно профессионал! У неё такой опыт! Она, между прочим, кандидат наук. В этом «центре» она могла бы огромные деньги зарабатывать! Но она честная, преподаёт нам за копейки. Я попробую с ней поговорить.

– Ир, может не надо человека беспокоить?

– Не волнуйся, папочка, во-первых, она вряд ли согласится, а если согласится, денег с тебя она точно не возьмёт. Она очень хороший человек. Она у нас лучший преподаватель, её все студенты любят. Мама, я же тебе о ней сколько раз рассказывала!

– Ну конечно, Ира, я помню. Но ты же сказала, что она не практикует...

– А может в суд на них подать? – сказал Александр.

– Ха-ха! В том-то и прикол, что у нас нет закона, защищающего права клиента психолога. Ты думаешь, они дураки, закона не знают? Ладно, родители, всё, слушайте свою дочь. Ничего без меня не предпринимайте, живите, как жили. Я всё беру на себя. А тебе, мамочка, скажу: папа у нас совершенно нормальный. Только работает много.

Александр улыбнулся: «Вот и выросла дочка!»



## 7

На следующей неделе позвонил Наумов.

– Саша, привет! Ты куда пропал? Поймать тебя не могу.

– Деньги лопатой гребу, жалко прерываться. Ты уже из Москвы вернулся?

– Да. Потому и звоню, для тебя приятные новости. Твой отчёт приняли почти без замечаний. И я попросил сразу выдать на нас обоих открытые листы на следующий год. Немного покочевряжились, но дали. Так что у тебя есть разрешение на обследование всё того же Лазурненского района. Это на всякий случай, если не будет раскопок.

– Ты имеешь в виду раскопки Дымова-3?

– Его самого. Я тебе разве не говорил, что Окимура приезжал в ноябре?

– Нет, не говорил.

– Да он недолго здесь был по делам. Ну, я его затащил на кафедру, показал твою керамику. Он, конечно, был в восторге.

– Что, хочет копать? Это же здорово!

– Радоваться нам ещё рано. Надо знать японцев. Ты же помнишь: «обещал» – не значит «женился». К японцам это относится больше, чем ко всем остальным. Он сказал, что надо смотреть памятник. Боюсь, что им могут не понравиться условия на полуострове. Ты же сказал, что там воды нет?

– Причём тут вода, если памятник интересный?

– Это нам не причём, а для японцев комфортные условия очень важны. В общем, Окимура придет со своим помощником в конце апреля. Надо будет везти их на Дымова. Хорошо бы, чтобы ты поехал тоже.

– Зачем я тебе? Да и не могу я, у меня три работы.

– Я же без тебя не найду это поселение, я на Дымова ни разу не был. Поэтому и предупреждаю заранее, чтобы ты смог как-то решить эту проблему. Пойми, от этого зависят раскопки уникального археологического памятника, который ты же и открыл. К тому же предвидится немалый заработок. Так что думай. Потом я хотел тебя попросить, чтобы ты сделал к приезду Окимуры карту полуострова на большом листе, красочно. И на неё надо нанести линии береговой черты, где они проходили в горинское и зареченское время, по палеорекострукции Воробьева.

– А зачем, ведь есть же карты?

– Японцы это любят. Потом это наглядно. Сразу на месте покажем эту карту. Будет видно, где было поселение, где было море, и где оно сейчас. Это нужно, поверь мне.

– Ладно, сделаю. На днях заскочу к тебе за реконструкцией.

Александр не любил затягивать дело. На следующей же он вахте принёс на судно карты, бумагу и нарисовал красочный плакат.

– Что бы я без тебя делал, Саша? – похвалил Наумов. – Ну, будем надеяться, что нам удастся совратить японцев на раскопки.

Эти и другие дела отвлекли Александра от воспоминаний о посещении психолога и о снах. Зоя предусмотрительно не поднимала эту тему. Однажды вечером Ирка заявила:

– Дорогие родители, я должна довести до вашего сведения две новости.

– Ну, давай с хорошей, – сказал Александр.

– Первого марта юбилей нашего факультета.

– Странная дата какая-то. Почему не первого сентября?

– Приказ об образовании факультета вышел первого марта. Вы приглашены.

– Этого нам только не хватало, Ира!

– И не вздумайте отказываться! Не забывайте, что ваша дочь учится на этом факультете. А потом, я выполнила своё обещание, поговорила со Светланой Викторовной. Она хочет с вами познакомиться и, особенно с тобой, папа. Так что готовьтесь.

– Но это же надо покупать какой-то подарок, – сразу загрустил Александр.

– Да придумаем что-нибудь, Саша, – сказала Зоя.

– А вот это и есть вторая новость. После официальной части будет застолье. Родители, которые хотят присутствовать, должны оплатить столик. Это совсем недорого. Зато сказали, чтобы не было никаких подарков. Самое главное, что за столиками вместе со студентами будут сидеть родители и преподаватели. Светлана Викторовна сказала, что сядет с нами. Она с таким интересом о вас расспрашивала, особенно, когда я ей сказала, что мы всей семьёй в походы ходили. За столом легче всего будет познакомиться и поговорить. Вы увидите, какой она замечательный человек!

Спорить с дочерью не хотелось. К тому же она договорилась с преподавателем, наверно это не просто для студентки. Она столько рассказывала об этой женщине, что действительно захотелось познакомиться.

– А давай, правда, пойдем, Зоя. Отвлечемся хоть, посмотрим, где дочь учится, кто ей преподаёт. Первого марта у меня как раз вахта на «Урале». У меня там отгульчик скопился, вот и отгуляю с пользой. Ты можешь уйти с работы?

– Ну, мне-то проще. Конечно, сходим. Надо подумать, что надеть.

– Да мама, не напрягайся, там все отличные люди, всё будет по-простому. Можешь надеть то, в чём ходишь на работу. Ты в любой одежде красивая.

Первого марта торжественно одетые родители вместе с дочерью отправились в университет. Конференц-зал был почти полон. Сели где-то на задних рядах. Ректор сказал торжественную речь. Ира всё время шептала:

– Вон, на первом ряду наша Светлана Викторовна, видишь? А вон там, в светлом платье декан.

Затем, начались награждения. Когда лучшим преподавателем объявили Светлану Викторовну Макееву, студенты свистом и воплями приветствовали её – видно, что любят. Среди лучших студентов наградили почётной грамотой и Иру. Она вспыхнула, стала пробираться в проход между тесными рядами, но справилась со смущением, гордо прошла через весь зал, с достоинством приняла награду из рук ректора.

– Молодец, дочурочка! – прошептала ей Зоя.

– Все окей, родители! Вы думали, зря за меня деньги платите?

– Классно ты прошла, Ирка. Умеешь себя держать, – похвалил Александр.

– Психолог должен уметь контролировать своё поведение. Светлана Викторовна знаешь, как нас гоняет на тренингах, иногда до слез!

Объявили перерыв. После перерыва пригласили гостей в столовую. Александр чувствовал себя неуютно: Зоя заставила надеть костюм, было непривычно и некомфортно.

– Пойдёмте, пойдёмте! – не давала времени на раздумье Ира. – Наш столик одиннадцатый.

За столом уже сидела Светлана Викторовна. Ира сама всех представила. Расселись. На столе вино, фрукты. Ректор сказал очень хороший тост. Александр разлил вино, в том числе и дочери. Зоя делала лицом всякие строгие гримасы, чтобы не наливал, но он сделал вид, что не заметил. Светлана Викторовна улыбнулась уголком губ. Выпили, и стало свободнее. Александр сразу налил ещё.

– У меня родился тост, – сказала Зоя. – Я хочу выпить за замечательного человека и преподавателя, за вас, Светлана Викторовна! Мы вам так благодарны! Ира так много о вас рассказывала.

– Меня благодарить не за что, это моя работа. А вот я вам благодарна за то, что пришли на эту встречу. Ира говорила, что вы много путешествовали. Расскажите.

Зоя стала рассказывать, где бывали и какие были интересные случаи.

– Вы и в Соломенной пади были? – заинтересовалась Светлана Викторовна. – Замечательные там места! Я была там лет двадцать назад, лагерь инспектировала, когда в МВД работала.

На сцене университетская группа давала концерт. Сначала музыка была приятной, потом современные ритмы и сила звука стали давить на психику.

– Я знаю, вы занимаетесь археологией? – обратилась Светлана Викторовна к Александру. – Это интересная наука. Когда я в школе училась, у нас был археологический кружок. Мы даже на раскопки ездили на Шаломовское городище. А потом не пришлось этим заниматься.

– На Шаломовском до сих пор раскапывают. Интересное городище. А нас больше привлекают первобытные поселения, которым несколько тысяч лет.

– Неужели это интереснее? Там же скучные находки, одни черепки и камни.

– Зато там больше неизвестного. О средневековье многое известно даже по летописям. Археологи добавляют только штрихи к общему портрету. А вот о более древних народах известны только отдельные штрихи, и археологи пытаются определить хотя бы контуры портрета.

– Как образно вы разъяснили. Вам не нравится музыка? – спросила она, заметив, как Александр морщится от громких звуков. Он действительно, почти не слышал собеседницу. – Мне тоже, – сказала она. – Но придется терпеть. Вы курите? Составите компанию?

– С удовольствием. Зоя, мы покурим.

Они вышли в вестибюль.

– На улицу? – спросил Александр.

– Там холодно. В здании действительно запрещено, но у меня есть укромный уголок. Мне прощают.

Они прошли в полутемный закуток под лестницей цокольного этажа. Там стояли три старых стула и большая банка из-под кофе с окурками.

– Вы хотели рассказать мне о ваших снах. Не стесняйтесь, вы же не на приеме. Мне действительно интересно.

Прямая и простая, – подумал Александр, – с ней легко, – и стал рассказывать. Светлана Викторовна слушала внимательно, глубоко затягиваясь, иногда задавала уточняющие вопросы. Видя её неподдельный интерес, Александр рассказал всё подробно, вместе со своими выводами. Они выкурили по две сигареты, когда он закончил.

– Очень интересно! Просто детектив. Никогда ничего подобного не слышала. Надо нам возвращаться, а то задержались уже до неприличия.

Зоя за столом была одна. Ира ушла танцевать. Молодежь уже вовсю веселилась поближе к динамикам.

– Извините, Зоя Николаевна, что заставили вас скучать. Александр Владимирович рассказывал свой «сонный детектив». Очень необычно! Вы знаете, у меня чувство, что это непростые сны. Что-то за этим кроется. Я очень вам рекомендую, Александр Владимирович, не бросайте это дело, попытайтесь расследовать до конца.

– Но у меня нет никаких знаний в этой области. Надо, чтобы специалист хотя бы направлял...

– Это хорошо, что нет знаний. Те, кто имеет такие знания, знают, что этого не может быть. На самом деле, сны – сложная и непонятная вещь. Во все времена мудрецы пытались объяснить сновидения. Но я вам скажу совершенно точно: до сих пор никто равным счётом ничего не знает о сне. То, что сегодня известно учёным, это, как вы выразились, «штрихи к портрету, которого нет». И не сдавайтесь. Может быть, вы сможете найти разгадку именно

потому, что ничего не знаете. Помочь вам не сможет никто, ведь никто не может лучше вас прочувствовать ваш же сон.

– Светлана Викторовна, у вас такой огромный опыт, знания, неужели вам не известны какие-то методы исследования снов. Я слышала, что существуют сны, связанные с определенными психическими расстройствами, – сказала Зоя.

– Конечно, я всё это изучала, и сейчас всю специальную литературу читаю. Но насчёт снов у меня особое мнение. Ещё в молодости один случай меня на всю жизнь научил. Хотите, расскажу? Александр Владимирович, налейте ещё по капельке.

– Я тогда молоденькая совсем была. Работала психологом в женском лагере. Было в то время такое веяние, пытались ввести эту должность в некоторых лагерях в качестве эксперимента. Вот я и напросилась, на подвиги тянуло. Народ там всякий, жутко поначалу было. Но потом втянулась. Была там у меня одна пациентка, молодая зечка. За кражи сидела. Вот она меня всё пыталась убедить, что во снах будущее видит. Я сначала думала, что «косит» под сумасшедшую. Да вроде как-то не очень старается. Я и так, и эдак, и тестировала её – не могу понять, чего добивается. Однажды приходит ко мне утром, после развода и говорит: «Я сон сегодня видела, что ваш кошелек нашла, и в нём тридцать рублей и пропуск». Ну, и что ты хочешь, спрашиваю. Ничего, отвечает, и вышла. Я посмеялась, конечно, потому что знала, что это невозможно. Я деньги и документы в сейфе хранила – это же «зона»! КПП пройду, сразу в кабинет, и всё ценное в сейф. Ещё и охранник в кабинете со мной сидел. Так положено. Прямо перед обедом начальник зачем-то вызвал. А есть так хотелось. Я охраннику, солдатику и говорю, мол, пока я хожу, сбегай в магазин, купи сгущенки, пряников, чай попьём. Деньги в сейфе возьми. Вернулась от начальника минут через двадцать, солдатика нет. Вдруг стук в дверь. Заходит эта зечка и кошелек мой в руках держит. Возьмите, говорит, там все тридцать рублей и пропуск. И вышла. Тут и солдатик вернулся. Оказывается, он всё это время кошелек по всей зоне искал, дуралей. Я ему сказала деньги взять, а он зачем-то весь кошелек схватил. И умудрился потерять. Я-то не имела права ему ключ от сейфа доверять. В общем, замяли это дело. А насчет снов мне хорошая наука получилась, на всю жизнь. Я ведь точно знала, что будущее предугадать невозможно, а зечка доказала, что бывают исключения.

– Да может, она просто у солдата кошелек и украла? – сказал Александр.

– Я проверила. Заключение на построении в это время были. Иначе кошелек и трёх секунд не пролежал бы. Она первая после построения в магазин пошла, и нашла. Да я по-разному проверяла, все версии, целый год мучилась, пока её на другую зону не перевели. Перед отправкой просила её, чтобы рассказала. Сон, говорит, видела. С тех пор я знаю, что ничего не знаю, – улыбнулась Светлана Викторовна.

Вернулась разгоряченная танцем Ира.

– Ну, как вы тут без меня?

– Хорошо, Ирочка, – сказала Зоя. – Светлана Викторовна так много интересного рассказала. Наверно, пора нам собираться. Люди уже расходятся.

Стали прощаться. Светлана Викторовна сказала:

– Спасибо вам за вечер. Мне было с вами интересно. Вам, Александр Владимирович, хочу сказать: не обращайтесь ни к каким психологам. При желании у каждого из нас можно найти отклонения. Вы совершенно здоровый человек. И не бросайте ваши сны. Если удастся раскрыть тайну, буду рада узнать о результатах. Зоя Николаевна, у вас замечательная семья, муж – интересный, творческий человек. Желаю вам счастья. Ну а с Ирой мы встретимся завтра на тренинге.

Домой вернулись в хорошем настроении. Ира гордилась, что удалась её задумка познакомиться родителей со своим любимым преподавателем. У Зои отлегло от сердца беспокойство за мужа. Александр был полон энтузиазма. Светлана Викторовна не только сняла с него подо-

зрение в психической ненормальности, но и дала «добро» на эти удивительные сны. А он, честно говоря, по ним соскучился. Александр зашёл в комнату сына.

– Как сходили, папа? Понравился Иркин универ?

– Да. Неплохо всё было. Иру наградили почётной грамотой. Мы познакомились с её преподавательницей. Интересная женщина.

– Я был у них. Кафедра психологии там действительно сильная. А программирование и дизайн совсем слабые. У нас круче.

– У тебя что, компьютер полетел? – спросил Александр, привыкший видеть сына перед монитором, который сейчас не работал.

– Нет. Книжку читаю.

– Что за книжка?

– А вот, – показал Юра обложку, на которой было написано: «Техника сновидений». – Саня, друг, дал почитать. Знаешь, очень интересно. Он этим уже года два занимается. У него получается. Оказывается, сны снятся нам каждую ночь. Но большинство мы не запоминаем. А когда запоминаем, то только смотрим их, даже если это кошмары. Здесь описывается, как научиться управлять сном.

– Смотри, Юра, с этим надо поосторожнее. «Улетишь» куда-нибудь!

– В том-то и дело, что если умеешь управлять сном, то всегда можешь «выключить» его в случае опасности. Я уже пробовал, кое-что начинает получаться. Это чистая психология – всё в наших руках.

Александр взял книжку, полистал. Конечно, переводная. Кто авторы – непонятно. Но написана, вроде, интересно.

– Папа, если хочешь, возьми, почитай.

– Ты же сам читаешь, и её же возвращать надо.

– Сане она уже не нужна, он её десять раз прочитал. А я постепенно осваиваю. Так что бери.

Александр прочитал эту книгу. Авторы открывали перспективы управления своим сознанием во время сна. Техника казалась простой. Он не доверял таким книгам. Но его привлекала возможность запоминания снов, а больше того, безопасность. Очень уж ярко были в памяти кадры сна с погоней, когда он чуть не погиб. Плечо тогда жутко болело целую неделю. И он не мог с уверенностью сказать, что было причиной, а что следствием: такой сон приснился, потому что болело плечо, или плечо болело, потому что его ранили во сне. А вернуться к снам с Нией очень хотелось, особенно после разговора со Светланой Викторовной. Но было страшновато. И он решил попробовать техники, описанные в книге.

## 8

Сначала нужно было научиться полному отрешению от действительности и сосредоточению на восприятии сновидения. Трудно было выключить все мысли о делах, но это всё-таки удавалось. Проблема заключалась в том, что он не имел возможности отключаться. Ведь главной его задачей и на судне, и в конторе был как раз контроль ситуации, даже во сне. Всё-таки он позволил себе упражнения в ночные часы во время дежурств в стройконторе. Решил поначалу тренироваться на обычных снах, которые сами возникнут.

Сны были неинтересные, в основном о работе, о каких-то конфликтах. Александр был поражён, какая чепуха снится человеку, и как много таких снов. Он даже подумал, что мозг человека правильно устроен, что не запоминает такую бессмыслицу. И наяву хватает информационного мусора. Но ему как раз важно было полное запоминание снов, потому что он собирався вернуться к снам с Нией, чтобы понять причину их возникновения.

Лишь однажды приснился сон, связанный с опасностью и страхом. Он оказался на крыше какого-то здания, подошел к краю, и страх высоты охватил его. Он понял, что неминуемо упадёт. Но тут в голове сработало: «Я же во сне!». Он сразу успокоился и позволил себе упасть. Жутковатое чувство падения, стремительно приближающаяся земля, и одновременно сознание, что это сон. Он терпел почти до самой земли, и в последний момент сказал себе: «Проснуться!». В момент просыпания услышал всё-таки четкий звук удара тела о землю. Открыл глаза, и краем глаза заметил конторскую кошку, спрыгнувшую с подоконника. Ничего не болело. Упражнение получилось! Конечно, надо было ещё тренироваться, повышать мастерство управления сном, но сны были скучные. Хотелось к Ние, в захватывающее прошлое.

На следующее дежурство Александр взял с собой заветный обломок горшка. С нетерпением дождался, когда контора опустела, достал керамику. Спать ещё не хотелось, и он стал разглядывать фрагмент. Это был обломок венчика большого сосуда. Венчик был слегка отогнут, на нём сохранились наклонные вмятины от пальцев. Немного ниже шла полоса прочерченных треугольников и косых линий. Александр залюбовался узором, представил, как рука Нии лепила этот венчик. Ведь это следы её пальцев! Он приложил свои пальцы к вмятинам, представил движения её руки. Не получалось. Его пальцы не ложились во вмятины. Не по размерам, просто было неудобно. Он вертел черепок и так и сяк, пришлось неестественно выгнуть кисть руки, чтобы пальцы легли в Ниины отпечатки. Не может быть, чтобы она так выворачивала руку. Возможно, она лепила как-то по-другому? Вспомнился сон: горшок стоит донцем на левом бедре Нии, правая рука внутри... Так она же левша! Он приложил к венчику пальцы левой руки, и они сами легли в отпечатки.

Александр закурил, заходил по тесному помещению, стал рассуждать вслух:

– Вот это открытие! Как я раньше не заметил? Левша – это здорово! Это отличительный знак. Кажется, где-то читал, что левшей всего пятнадцать процентов среди людей. Теперь я смогу отличать керамику, сделанную Нией, по крайней мере ту, на которой сохранились отпечатки пальцев. Я смогу выбрать из всех фрагментов те, которые сделаны левой рукой, и почти наверняка это будут её изделия. Вероятность ошибки очень мала. Я смогу посмотреть во снах всю нашу с Нией жизнь!

Он разволновался, сон не шёл. Достал свои записи про сны, перечитал внимательно. В конце дописал: «Ния – левша! (Проверить!)». Выкурил сигарету, лёг и заснул.

Он медленно продвигался по груди в тёплой воде вдоль сети, ощупывая её и периодически выпутывая рыбу. За ним двигалась Ния с корзиной, в которую он бросал добычу. Для Нии

было глубоко, почти по горло. Она шла по дну на цыпочках, вытянув шею и высоко держа корзину. Они оба были совсем нагие. Забда, работая, любовался своей женщиной.

– Скоро закончим. Глубже уже не будет. Потерпи немного, – сказал он, и погладил её под водой вдоль спины, потрепал ягодицы.

Она улыбнулась обещающе, как может только любящая женщина.

Они выбрались на берег лагуны. Капельки воды сверкали под жарким солнцем на её смуглой коже. Забда не дал ей опомниться, набросился, прижал, повалил на горячий песок.

– Подожди, Забда, – смеясь, отталкивала она его, – давай пойдём на наше место, здесь мне неуютно. Из посёлка нас видно.

– Ну и что? Ты же моя жена!

– На нашем месте ласки всегда слаще. Потерпи немного.

Они вдвоём отнесли улов домой. Ния прикрыла рыбу крапивой, поставила в яму, накрыла шкурой. Достала из ямы две крупных устрицы, положила в заплечную сумку.

– Пошли!

Взявшись за руки, они почти бегом покинули посёлок и стали подниматься в гору по едва заметной тропке среди зарослей высоких трав. Путь был неблизкий, но шлось весело. Забда чувствовал лёгкость тела, упругость своих ног. Они поднялись на вершину и немного спустились в сторону моря. Тут было их секретное место, скрытое от посторонних глаз. Плоский уступ скального обрыва порос мягкой травой, густой кустарник укрывал площадку с двух сторон, и только в сторону моря, на север открывался великолепный вид. В двух шагах из скальной трещины сочился крохотный родничок. Им нравилось это место. Они скрывались здесь ещё до того, как прошли обряд Семейного Счастья.

Ния положила устриц в холодную воду, бросила сумку под скалу, быстро разделась, постелила одежду на траву.

– Иди ко мне!

Её губы, груди, горячее упругое тело, нежные руки; трепет, сладостная дрожь во всём его теле; всплеск волшебного восторга, неподдающегося контролю сознания, и томная, сладкая нега расслабления, сравнимая с полётом!

Он лежал на спине обдуваемый лёгким ветерком и смотрел сквозь листву в синее небо. «Это не сон! Это не может быть сном! – думал он в полудрёме, – Это же настоящая реальность! Вот я кладу руку на её грудь. Вот она в ответ тихонько пожимает мою руку. Но что же тогда там, в городе будущего? Может мне только снятся Зоя, дети, работа, раскопки? Как здесь хорошо! Если это сон, то пусть он продлится, как можно дольше!»

– Мне так хорошо с тобой, Забда! – прошептала Ния. – Мне кажется, что всё это во сне, что так хорошо не может быть в обычной жизни. Я хочу, чтобы наш сон длился вечно.

– Я тоже этого хочу, и думаю, что это зависит только от нас с тобой. А ты считаешь, такое может быть во сне?

– Конечно может! Ты разве не знаешь, что душа во сне может улетать в другой мир? Моя душа радуется тебе даже больше, чем тело. Поэтому я иногда думаю, что ты мне снишься.

– Я знаю, что душа летает во сне, но мы-то с тобой живые. Скажи, разве душа сможет тебя вот так обнять, вот так поцеловать...

Их тела, – настоящие, сильные, молодые, горячие тела, – снова бросились в схватку за величайшее в мире удовольствие для тела и для души, удовольствие, которого можно достичь только вдвоём, двумя телами и двумя душами одновременно.

Ния встала, надела свою лыковую юбочку, достала из воды устриц, ловким движением костяного женского ножа вскрыла раковины, одну подала Забде. Он отломил створку, двумя пальцами оторвал тело моллюска. Холодное мясо приятно охладило рот, легко скользнуло в горло. Ния поднесла в раковине воды. В тени под скалой стало прохладно. Он набросил на плечи безрукавку, прижал к себе Нию. Они сидели молча и смотрели на море.

- Забда, надо не забыть поблагодарить Змея за наше Семейное Счастье.
- Вернёмся, сразу ходим. Сегодня хороший улов, есть чем угостить Змея.
- Смотри, какие красивые утки! Я таких ещё не видела.

Под обрывом плавала стая пёстрых уток с чёрными головками, бурыми спинами, белыми боками и красными клювами. У некоторых хвосты были длинные и тонкие. Они по очереди ныряли, и тогда были видны голубые перепонки лап.

– Это Аунга – утки морянки. Они редко здесь бывают, далеко на севере живут. Красивые птицы, смелые. Людей совсем не боятся.

– Какой ты умный, Забда! Откуда ты всё знаешь?

– Отец рассказывал. Я ещё маленьким был, на охоту с ним ходил. Мы таких птиц видели, он мне сказал, как их зовут.

– Какое красивое имя – Аунга! – пропела Ния. – Забда, если у нас дочка родится, давай назовём ее Аунга!

– Хорошее имя. Если девочка, пусть будет Аунга. Я бы прежде сына хотел. Сначала охотник, рыбак нужен, чтобы было много мяса, а потом и девочек можно рожать. Надо просить духов, чтобы был сын.

– Я постараюсь, – улыбнулась Ния, прижалась щекой к его плечу. – Скажи, ты скучаешь по отцу?

– Да. Я не видел его с тех пор, как мы покинули Большой Посёлок.

– Смотри, сегодня видно мыс, на котором стоит Большой Посёлок. Может твой отец или моя мать смотрят сейчас в нашу сторону, – она показала пальцем на еле видный в дымке мыс. – А левее река, на которую мы в детстве бегали купаться, помнишь?

– Помню, – ответил он, хотя отчетливо осознал, что совершенно ничего не помнит о Большом Посёлке. «Неужели это всё-таки сон?» – пронеслось в голове. – Но мне нравится, как ты рассказываешь. Расскажи мне о Большом Посёлке. Я так люблю тебя слушать, – сходил он.

– Я рада, что тебе нравится говорить со мной. Другие мужья не слушают своих жён. Но, давай, я потом тебе расскажу. Солнце уже собирается спуститься под землю, а нам нужно ещё посетить Змея, и я должна рыбу почистить, а то пропадёт. У нас ещё будет время поговорить.

Ния была права. Они спустились с горы, и пошли в селение. Дома Забда сам выбрал две самых крупных рыбы, связал их через жабры стеблем полыни, и они с Нией пошли по тропе на мыс. Завидев камень, они замедлили шаг, осторожно, чтобы не потревожить покой Змея, приблизились к жертвеннику. Змей лежал, свернувшись на тёплом валуне. В последних лучах заходящего солнца его кожа отливала золотом. Забда положил рыбу на край камня и опустился на правое колено. Рядом стала на колено Ния, он заметил – на левое, стала шептать благодарность. Змей приподнял голову, повернул в сторону посетителей и затрепетал языком. Забде показалось, что Змей смотрит прямо ему в душу. Он не выдержал долгого немигающего взгляда змеи, опустил глаза и прошептал:

– Благодарю тебя, Хозяин Острова, покровитель нашего племени за наше Семейное Счастье, за хороший улов, за наше здоровье, за спокойную сытую жизнь. Прими наш подарок!

Они встали. Змей ещё выше поднял голову и слегка покачивал ею из стороны в сторону.

– Он принял! – прошептала Ния.

В жилище Ния быстро раздула угольки в очаге, подложила сушняка, и сразу стало светло и уютно. Спать было ещё рано. Забда достал заготовки грузил для сети – круглые плоские гальки, собранные на берегу ещё весной, стал выбивать камнем выемки по краям. Когда проверял сеть, заметил, что двух-трёх грузил не хватает. Надо подвязать новые. Ния проворно разделывала рыбу своим костяным ножичком. Печень и глаза она складывала в глиняную миску. Кишки и головы бросала на лист лопуха, чтобы потом скормить собакам. Тушки разрезала



вдоль позвоночника, распирала стеблями полыни и подвешивала на жердь высоко над костром, чтобы коптились.

– Скажи, жена, – спросил Забда, – в нашем посёлке есть кроме тебя люди, которые работают левой рукой?

– Зачем спрашиваешь, твой друг шаман Загу – всегда левой рукой в бубен бьёт.

– А среди женщин?

– Только я. Моя бабушка была левшой, ещё были женщины, но они в Большом Посёлке остались. Зачем тебе это знать?

– Так, интересно. Я не видел кроме тебя женщин, у которых левая рука главная, вот и спросил.

– Тебе не нравится, что я не такая, как другие?

– Наоборот, я горжусь, что ни у кого нет такой жены, как у меня!

Ния закончила с рыбой. В миску с печенью и глазами добавила раздавленные в ступке луковички лилии, быстро разжевала несколько листьев черемши, всё это перемешала рукой и поднесла Забде.

– Съешь, мой сильный муж, чтобы глаза твои стали ещё зорче, а живот переваривал любую пищу.

Забда отряхнул руку от каменных осколков, взял миску, и с удовольствием съел несколько горстей лакомства. Остальное отдал жене.

– Ешь и ты. Тебе тоже нужны сильные глаза и крепкий живот. Ты вкусно готовишь!

После еды захотелось спать. Забда лёг на спину, закрыл глаза. Приятно было слушать, как заканчивает вечерние хлопоты Ния и одновременно вспоминать удачно прошедший день. Сон пришёл незаметно.

Александр проснулся бодрым и выспавшимся. Без двадцати семь. Отдёрнул штору – небо начало светлеть. Включил чайник и сел записывать сон. Закончив, подчеркнул написанное жирной чертой и написал: «Главное. Ния – левша. Шаман Загу – мой друг (надо его посетить). Поселение на Дымова образовано людьми, пришедшими с мыса Речного в устье реки Ромашовки (Почитать литературу, расспросить Нию)».

Вечером позвонил Наумову:

– Лёша, скажи, как называется горинское поселение на мысе Речном?

– Ну, Саша, такие вещи надо знать! Это же одно из базовых поселений горинской культуры. Называется Рыбацкое-1. Я там ещё студентом копал.

– Большое поселение?

– Очень большое. Там даже захоронения раскопали – редкий случай для горинской культуры.

– У тебя, конечно, и литература есть по этому поселению?

– Конечно, это же классика!

– Ты можешь подобрать для меня всё, что у тебя найдётся? Я бы послезавтра утречком к тебе на кафедру зашел.

– Постараюсь, заходи. Я тебе говорил, что на днях в Лазурный еду?

– Нет, конечно. И зачем?

– Буду говорить в районной администрации о предстоящих раскопках, подарю им свою книгу. Надо, чтобы о нас знали. Может и помощь их понадобится. В четверг у меня лекций нет, успею за день туда и обратно.

– Слушай, Лёша, а ты можешь передать от меня Сапрыкину конверт?

– Без проблем. Я предполагаю с ним встретиться. Придёшь за книжками, и письмо принеси. Ну, пока. Привет Зое.

Александр разыскал папку, где хранились разные документы, отобрал то, что касалось деда. Не густо, всего две бумаги. Взял чистый лист, стал писать:

«Здравствуйте, Иван Николаевич! Во время нашей встречи Вы предложили сделать официальный запрос по выяснению судьбы моего деда. Пользуясь поездкой А. С. Наумова, передаю с ним сведения.

Забда Чен, родился около 1900 года в Китае, в Маньчжурии. Проживал в станице Казаково Хабаровского края. Работал кузнецом. Участник гражданской войны. Жена Забда (Касаткина) Авдотья Ивановна. Забда Чен пропал без вести в 1938 году.

Это всё, что мне известно. Заранее Вам благодарен. Александр Забда».

После вахты заехал в университет, отдал Наумову письмо для Сапрыкина и забрал книжки по горинской культуре.

– Ты готовься, – сказал Наумов, – Окимура прилетает двадцать шестого, наверно двадцать седьмого поедем на Дымова. Питание, ночлег, если понадобится, – я всё обеспечу. Ты только освободи себе пару дней.

– Ладно, Лёша, попробую. Наверно придётся увольняться. Но это мои проблемы. Я, честно говоря, соскучился по Дымова.

В последующие дни Александр подал заявление на увольнение в стройконторе и предупредил об уходе хозяйку магазина (там он работал нелегально). В конторе огорчились и уговаривали остаться, а хозяйка магазина устроила очередную истерику. Но до отъезда на Дымова оставалось ещё больше двух недель, и у работодателей было достаточно времени для того, чтобы подыскать новых работников.

На вахте внимательно прочитал то, что дал Наумов про поселение Рыбацкое-1. Это были несколько узкоспециальных статей и одна небольшая монография. Александр утонул в подробнейших описаниях стратиграфии раскопов, археологических находок, технологий их изготовления и всего, что касалось материальных остатков древней культуры. Дальше на основании этнографических аналогий давался предположительный образ жизни горинцев: жили в прямоугольных полуземлянках, занимались охотой и рыболовством, имели собак и, возможно, одомашненных свиней.

Александра потрясли две вещи: как мало известно ученым, и исключительно материальная направленность исследований. Уровень развития жителей поселения выводился из технологического уровня изготовления каменных и керамических изделий. Он понимал, что по разбитым черепкам мысли и чувства людей не прочтёшь, но всё равно такой подход показался ему неверным. Ведь получается, что если мужик в дальней деревне колет дрова колуном, то он ничего не знает о космосе! «Если мои сны – правда, – подумал Александр, – то я уже сейчас знаю о горинцах больше всех археологов. Кстати, надо узнать, как горинцы себя называют».

## 9

Незаметно подошёл срок поездки на полуостров Дымова. Александр уволился с двух работ, и жить стало легче. Правда прибавилось беспокойство, что очень скоро деньги кончатся, и придётся снова искать подработку.

Наумов позвонил за два дня до отъезда, сообщил, что Окимура приехал с помощником, им нужно побыть день в городе, выезд двадцать восьмого. Александр этому был рад, так как сменялся с вахты в день выезда. Даже отпрашиваться не нужно, впереди три дня выходных. Походные вещи были приготовлены заранее. С вахты отпросился на час раньше и в половине девятого уже был готов к отъезду.

Норд исполнил пляску великой радости. Он был просто вне себя при виде походной одежды хозяина, и Александру стоило больших трудов достучаться до его сознания, чтобы сообщить, что он останется дома. Наконец, пёс понял, что его не берут, и воспринял это, как личную катастрофу. Он свернулся в углу и грустно наблюдал за сборами с тайной надеждой, что вдруг решение изменится. Александр понимал душу собаки, но ничего не мог поделать: Наумов не любил собак, так как у него никогда не было домашних животных, да и неизвестно как воспримут японцы присутствие потенциального носителя болезнетворных бактерий в одной с ними машине.

Наумов заехал за ним только в десять. В машине были два японца Окимура-сан и Сосэки-сан, как назвал их Наумов. Александра он представил как «доктора Забду».

– Лёша, зачем эти игры в докторов? – спросил Александр, когда машина тронулась.

– Для того чтобы не извращаться в объяснениях и тем самым сохранить психику наших японских коллег. Ну как, по-твоему, объяснить людям, привыкшим к жёсткой иерархии и чинопочитанию, что известный археолог, открывший столько памятников, на самом деле не имеет образования и работает грузчиком в магазине? У них от такой информации процессоры в голове поплывутся. И потом не забывай, что они платят деньги тоже в соответствии с иерархией. И если они будут знать, что ты не доктор, то ничто не сможет заставить их платить тебе больше, чем простому рабочему.

– Ладно, если ты считаешь, что так нужно, то пусть так и будет. Только ты сам с ними разговаривай. Скажи, что я совсем не умею говорить по-английски.

Ехали долго. Дважды останавливались перекусить в придорожных забегаловках. Чуть ли не на каждой возвышенности японцы просили остановиться. Они выходили обвешанные фотоаппаратами и старательно фотографировали окрестности, расспрашивая Наумова, где и какие расположены археологические памятники.

На Дымова приехали лишь к вечеру. Из машины были извлечены раскладной стол, стульчики, еда. Японцы привезли с собой свою пищу в коробочках и питьевую воду. Наумов достал бутылку коньяка. Александр сам не понимал, почему всё это вызывает у него раздражение, терпел, делал вид, что ему это привычно.

После трапезы поехали на машине, хотя там было всего метров двести, к шурфу. Александр показал место. Наумов, развернув плакат-карту, пространно объяснил, какая геологическая ситуация была здесь в горинское и зареченское время и какие биологические ресурсы могли привлекать сюда древнее население. Он доказывал уникальность памятника и всеми способами пытался внедрить в сознание японцев мысль, что раскопки данного поселения необходимы. Японцы улыбались, качали головами, со всем соглашались, бесконечно фотографировали. Иногда они спрашивали, далеко ли до ближайшей гостиницы, сколько будет стоить транспорт, чтобы каждый день ездить из гостиницы на раскопки, можно ли в этих местах купить экологически чистые продукты. Но вроде бы их настроение выражало желание здесь поработать.

Долгие разговоры всех утомили. Солнце уже садилось. А японцы непременно хотели посмотреть условия проживания в лазурненской гостинице. Было решено заночевать на берегу, благо, погода благоприятствовала, а завтра ехать в Лазурный. Александру пришлось помогать устанавливать огромную палатку для японцев. Наумов предложил ночевать с ним в его тоже немаленькой палатке, но Александр предпочёл спать в своей. Он ушел подальше от общего лагеря на место, где в прошлом году жили они с Зоей и Нордом, и через двадцать минут уже готов был к ночлегу.

Присел на берегу перекурить и вдруг вспомнил, что за всей этой суетой даже не поздоровался с полуостровом. А вокруг была красота! Блестящее море тихонько накатывало волны на уцелевшие на береговой отмели льдины. Заходящее солнце освещало жёлтые тростники, которые придавали пейзажу ещё зимний вид, но у их основания уже пробивалась свежая зелень. Первые птички уже звенели в сухой полыни, а над головой где-то гагакали невидимые перелётные гуси. Вспомнилось прошедшее лето, последний шурф, сны с Нией. Александр поднялся, огляделся, припомнил, где находился посёлок во сне. Воспоминания полностью ложились на реальный рельеф. Представил, где было его с Нией жилище. Получалось, что оно находилось где-то около шурфа.

Окрик Наумова прервал размышления. Его звали в коллектив. Японцы сидели за столом и любовались закатом. Наумов кипятил воду на примусе.

– О, чаёк будет! – обрадовался Александр.

– Ошибаетесь, доктор. Окимура-сан желает лапши.

За ужином Наумов снова наливал коньяк. Японцы предлагали свои национальные кушанья – сублимированные водоросли, рыбу и что-то ещё. Наумов всё дегустировал и то ли приговаривался, то ли ему на самом деле нравилось. Александр попробовал – совершенно безвкусные тоненькие сухие пластинки, отдающие застарелым рыбьим жиром. Начались разговоры по-английски на археологические темы. Александр сослался на усталость, извинился и ушёл. В пропахшей дымом костров старой палатке к нему быстро вернулось хорошее настроение. Он забрался в спальник и сразу уснул.

Он проснулся от вкусного запаха печёной на углях рыбы. Полог входа был приоткрыт и солнечные лучи, пробиваясь сквозь дым, били прямо на его лежанку. Ния уже суежилась у костра.

– С новым Солнцем, Забда! Вставай скорее, рыба вкуснее, когда горячая.

– Ты добрая жена. Как ты всегда успеваешь встать раньше, чем я проснусь?

– Я хочу, чтобы тебе было хорошо. Тебе же хорошо?

– Очень хорошо! И очень вкусно! – проговорил он, проглатывая кусок горячей рыбы.

Покончив с рыбой, он сунул в рот пару листьев черемши, облизал жир с ладони, накинул одежду и подпоясался ремнём с висящим на нём каменным ножом.

– Когда мне ждать тебя, муж?

– Хочу сходить к Загу. Давно не видел его. Как разговор сложится, так и вернусь. Дай-ка мне хороший кусок рыбы для Змея.

Он вышел из дома, поздоровался с Солнцем:

– Хорошего дня тебе, Солнце! Дай благополучия всем обитателям Земли и Моря, Солнце! Дай и мне удачного дня, Солнце! – сказал он, одновременно прикидывая, что хочет сделать сегодня.

По знакомой тропинке быстро добрался до скалы на мысу. Змей уже грелся на освещённом солнцем камне. Забда положил подношение на край жертвенника, стал на колени:

– Спасибо тебе, Змей, за благополучие моей семьи!

От скалы совсем слабая тропка шла ещё выше на мыс, где укрытый со всех сторон искривленными ветром низкорослыми деревьями стоял дом шамана. С площадки перед домом

открывался прекрасный обзор всего острова, моря и дальнего побережья. Но само жилище было построено так, что его можно было заметить, только подойдя совсем близко. Забда залюбовался великолепным видом. Солнце уже всюду пригревало, море искрилось в его лучах. Не успевшая обсохнуть от росы трава приятно охлаждала босые ступни.

– Стой, Забда! – раздался сзади голос.

Он обернулся. Перед ним стоял крепкий коренастый, средних лет человек, босой и без шапки, одетый, как и все мужчины поселка в штаны и безрукавку из шкуры косули. Необычными были только обереги из высушенных птичьих лап на поясе, крупный клык сивуча на шее и тлеющий пучок травы багульника в руке. Забда знал, что это шаман.

– Добро твоему дому, Загу!

– Стой! Не шевелись! – приказ прозвучал властно, и Забда, не раздумывая, подчинился.

Шаман трижды обошел вокруг гостя, окуривая едким дымом, затем неожиданно прислонил тлеющую траву к его пояснице. Забда вздрогнул и резко повернулся к шаману. Тот изучающе, очень жёстко смотрел ему в глаза, отчего Забде стало не по себе. Но он чувствовал, что говорить ничего не следует.

– Мир тебе, Забда. Проходи к моему очагу.

Они вошли в полутёмное жилище. Забда сел на возвышение напротив входа. Загу бросил остатки багульника в костёр, посыпал в огонь ещё каких-то трав. Помещение наполнилось терпким приятным запахом.

– Я ждал тебя, Забда, я знал, что ты придешь.

– Почему же ты меня так встретил? Разве я мог принести тебе зло?

– Ты снился мне сегодня ночью. Плохо снился. Никогда мне не снились такие сны. Я видел тебя в необычной одежде, с очень необычными людьми. И главное, вы все прибыли в желудке необыкновенного зверя с круглыми лапами. Ты был с ними на берегу под мысом, и там, где стоит твой дом, вы говорили на чужом языке. Но твоего дома не было, и других домов не было, была только трава. Я не спал полночи. Я гадал на раковине улитки, олицетворяющей время, я спрашивал Луну ночью и Солнце на рассвете. Я не нашел ответа. Я думаю, это были злые духи, которые задумали плохое против нашего племени. Один дух принял твой образ. Вот почему я должен был проверить, настоящий ли ты Забда или злой дух. Ты не должен на меня обижаться. Давай будем пить чай. Это напиток из трав, которые гонят злых духов и дают здоровье хорошему человеку. И давай будем говорить о моем сне. Что ты думаешь?

«Это сон! – подумал Александр. – Я во сне у шамана Загу. Что делать, раскрыться? Но как он на это отреагирует? Сделать вид, что ничего не знаю, но потом я не смогу говорить с ним о будущем. Он, несомненно, обладает даром видеть будущее. Надо обязательно привлечь его на свою сторону».

– Скажи, Загу, – спросил Забда, отхлебывая терпкий бодрящий отвар, – такое, как в твоём сне, может быть на самом деле?

– В мире может быть всё. Если этого нет здесь, то оно может быть в другом месте или в другое время, или в другом мире.

– Но ты сказал, что это было на нашем острове?

– Да, это было здесь, но не было наших домов. Значит, это было в другое время. Или в ином мире.

– А если бы ты действительно встретил человека из другого времени, что бы ты сделал, Загу?

– Я постарался бы убить его, чтобы он не смог нанести вред нашему племени.

– А если этот человек – потомок людей нашего племени, разве хорошо прерывать род даже в далёком будущем ради благополучия племени сейчас? И как ты узнаешь, что он хочет навредить своим предкам?

Загу надолго замолк. Он сыпал в огонь какие-то травы, смотрел, как они тлеют, дышал дымом.

– Ты задал мне трудные вопросы. Я не знаю ответов на них. Мой учитель, мудрый шаман Модо не учил меня смотреть так далеко вперёд. Но сам он умел смотреть в будущее.

– Откуда ты знаешь?

– Я был ещё мальчиком, когда Модо начал учить меня шаманским делам. Однажды я очень расстроился, чуть не заплакал, потому что не мог правильно угадать погоду. Я сказал, что будет солнце, а пошёл ливень. Тогда мудрый Модо сказал: «Учись, Загу, ты должен научиться, потому что ты станешь шаманом большого нового посёлка на острове, и от твоего умения видеть будущее будет зависеть благополучие людей». Ты видишь, я стал шаманом на острове. И я многое умею. Но ответов на твои вопросы не знаю. Я буду думать, я применю все свои знания и обещаю тебе, я найду ответ. А теперь иди. И скажи людям, чтобы не беспокоили меня без крайней нужды. Когда найду решение, я позову тебя. Мир тебе, Забда!

Море зашумело накатом, и Александр проснулся. Солнце ещё не встало. Зябко. Зашёл по колено в воду, умылся. Сразу пришла бодрость и хорошее настроение. Конечно, все ещё спали. Сходил в общий лагерь, заварил кружку чая и с ней вернулся в палатку. Покуривая и попивая чаёк, не спеша записал сон. Он был доволен своим сонным приключением: «Главное, познакомился с шаманом. Теперь нужно добиться его полного доверия и каким-то образом объяснить, что я из будущего. Тогда можно будет у него многое узнать».

Японцы поднялись поздно. Долго фотографировали, потом ещё дольше, с разговорами завтракали. Наконец поехали. По пути Александр договорился с Наумовым, что пока японцы будут смотреть гостиницу, он сходит в администрацию.

Он без труда отыскал кабинет Сапрыкина, представился секретарше. Та на минуту зашла в кабинет, тут же вернулась.

– Проходите. Иван Николаевич ждёт вас.

– Заходи, Саня! – навстречу из-за стола поднялся солидный администратор в строгом костюме.

– Здравствуй, Николаич! Тебя не узнать – ты прямо босс!

– Должность обязывает. Коньяк или водочку?

– Знаешь, я бы чайку хорошего выпил.

– Оля, сделай, пожалуйста, крепкий чай гостю и мне кофе, – сказал он в переговорное устройство. – Ну, рассказывай, как поживаешь, как в наших краях оказался?

– Ну, как поживаю... отрабатываю счета за учёбу детей, за квартиру. А сюда по пути заехали с Наумовым. Мы на Дымова ездили, смотрели памятник, который мы с Зоей в прошлом году нашли. Похоже, копать будем этим летом.

– Наумов был у меня не так давно. Мы с ним славненько посидели. Умный мужик, так много мне рассказал по истории района.

– Ну, конечно, он же историк, археолог, в основном этим районом и занимается. А главное, любит он своё дело.

Секретарша принесла чай и кофе, сладости.

– А ты вовремя заехал, Саня, на днях ответы пришли на наш запрос по твоему деду. Не очень утешительные, но, по крайней мере, все точки над «и» проставлены.

Он подал Александру два листа документов.

– Это копии. Не обижайся, но оригиналы подшиты в канцелярии. Для отчёта. Деньги-то казённые, счёт любят.

Александр с волнением взял бумаги.

«На Ваш запрос сообщаем, что Казаковский районный архив сведениями о гражданине Забда Чен не располагает».

«В архиве Краевого управления ФСБ имеются следующие сведения о судьбе Забды Чена. Забда Чен 1903 года рождения находился в розыске по линии НКВД с 1938 года, как незаконно проживающий на территории РСФСР и подозреваемый в связях с иностранными разведками. В январе 1940 года органы НКВД выявили место пребывания подозреваемого – село Гуляни (ныне Верхнее Ольховое) Октябрьского района, где он работал помощником кузнеца в кузне Гулянийского отделения совхоза. При аресте Забда Чен оказал сопротивление, пытался бежать и при этом был убит. Других сведений о данном лице в архиве не обнаружено».

– Ну, что ты, Саня, загрустил? Стоящие сведения я тебе достал? Ты чай-то пей, остынет.

– Знаешь, Николаич, теперь я, пожалуй, от водочки не откажусь. Убили все-таки деда! А бабушка до смерти его ждала...

Они выпили по стопке, разговорились. Александру хотелось выговориться, тем более что Николаич слушал с участием. Но надо было идти, Наумов с японцами наверняка уже заждались.

Почти весь обратный путь в машине Александр молчал, думал о деде. Уже когда въехали в город, спросил Наумова:

– Ну что, понравилась им гостиница, будут раскопки?

– Разумеется, не понравилась! Лазурному ещё далеко до Токио. Сказали, что будут думать. Решение сообщат в течение месяца.

– Мне бы надо знать поточнее. Если копать не будем, я опять работу искать буду.

– Мне тоже надо планировать сезон, но что с ними поделаешь? Подождём немного. Мы от них больше зависим, чем они от нас.

Дома вся семья была в сборе – начались майские праздники. Зоя накрыла праздничный стол, главным украшением которого был выпеченный ею торт.

– Расскажи, Саша, как съездили.

– Неплохо. С удовольствием побывал опять на Дымова. Хорошие там места! Правда, японцы капризничают, не могут решиться на столь экстремальные условия. Но Наумов надеется их уговорить. А знаете, что я привёз? – он достал бумаги, переданные Сапрыкиным. – Это ответы из архивов по поводу моего деда.

Александр прочитал документы вслух.

– Какие сволочи! – воскликнула Зоя.

– Папа, за что его убили? – тихо спросила Ира.

– Время такое было. Был в розыске, скрывался, оказал сопротивление... Сейчас, пожалуй, при таких обстоятельствах тоже могут убить. Это же не Америка, где, прежде чем стрелять, зачитывают твои права.

– А за что его разыскивали?

– Он же из Китая пришёл. Нелегально. Женился на бабушке моей. И жил спокойно. А в 1938 году начали выселять всех китайцев и корейцев. Он убежал. Тогда всех подозревали во вредительстве советской власти, вот и решили, что он на иностранную разведку работает. Может, они и правы тогда были. Чтобы понять, надо жить в то время. Но жалко деда. Всего-то 37 лет прожил. Хорошо, что хоть сына родил, вот его род и продолжается, мы с вами живем.

– Саша, ну как ты можешь их оправдывать? – возмутилась Зоя. – Они же его без суда убили!

– Как мы можем определять, кто прав, Зоя? Другое время было, другое отношение к человеческой жизни, вообще ко всему. Я не оправдываю, но и обвинять не хочу. Может быть, я тоже стал бы стрелять, если бы шел на задержание преступника, а он оказал сопротивление. Что сейчас об этом говорить? Главное, мы теперь знаем, как окончилась его жизнь.

Юра не вступал в дискуссию. Он принёс карту и углубился в поиски населённого пункта с нелепым названием Верхнее Ольховое.

– Вот, смотрите, нашёл. Далеко он спрятался! Как же он столько прошёл по тайге, почти весь край пересёк! Тут классные места, наверно и до сих пор дикие.

Село располагалось в долине речки Ольховой, впадающей в море на самом севере края.

– Вот бы туда попасть! – сказала Зоя.

– Папа, может организуем туда поход этим летом? Смотри, до Таёжного можно добраться автобусом, а дальше пойдём пешком. Там всего километров семьдесят.

Все загорелись энтузиазмом посмотреть места, где окончил свою жизнь их предок. Решили, если будет время и средства, обязательно сходить.

– Кстати, о предках, – сказал Александр, – я на Дымова опять видел сон про древнее поселение. Я был в гостях у шамана. Его зовут Загу.

– Какой он? С бубном и весь в перьях? – спросила Ира.

– Да нет, одет просто, как все жители. Только живёт отдельно от поселения.

– И что, ты видел, как он шаманит? – спросил Юра.

– Нет. Но у него, несомненно, есть дар. Он заподозрил, что я ненастоящий, проверял. И самое интересное, он видел во сне, что я приехал с чужими людьми, и даже описал их. Мы с ним интересно поговорили.

Александр пришлось в подробностях пересказать весь сон. Ему нравилось, что дети воспринимали его рассказ, как действительность. Зоя слушала, не высказывая своего мнения, но на её лице не было признаков тревоги и недоверия – это радовало больше всего.

На судно, несмотря на праздничный день, неожиданно пришёл матрос из вахты, с которой Александр дежурил через сутки, и попросил поработать за него целый месяц. Ему нужно было срочно куда-то уезжать. Александру это было на руку, так как потом не нужно будет брать отпуск для поездки на раскопки. Так и условились: месяц работает Александр сутки через сутки, а следующий месяц этот матрос за Александра. С начальством договорились без проблем.

Месяц пролетел незаметно. Тем временем пришло сообщение от японцев, что они согласны участвовать в раскопках, и приедут в середине июня. Наумов сказал:

– Нам придётся выехать заранее, чтобы поставить лагерь и начать раскопки до приезда японцев.

– Я готов. Дождусь только выхода сменщика.

Сменщик вернулся вовремя и заверил Александра, что будет работать за него до его возвращения из экспедиции.

Наумов планировал закончить раскопки за двадцать пять дней. Приглашал Зою на переборку проб. Ей хотелось, но жалко было оставлять Иру и Юру без поддержки на время сессии. Александр поехал один. Норда тоже пришлось оставить дома.



## 10

К вечеру моросящего июньского дня археологический караван втянулся на перешеек полуострова Дымова. Впереди шла машина Наумова с двумя его сотрудницами Леной и Яной, геологом Воробьёвым и Александром. За ней переваливался по совершенно разбитой дороге старый «ПАЗ» с поварихой Галей и двенадцатью студентами, которые ради участия в раскопках заранее сдали сессию. В конце колонны ехал доверху набитый экспедиционным имуществом бортовой «ЗИЛ».

Многочасовая поездка всех утомила, но погода не позволяла расслабиться. Морось усиливалась, грозя перейти в дождь, холодный зюйд-ост пронизывал до костей. До темноты успели только выкосить территорию под лагерь и поставить палатки для ночлега. От студенток, городских девчонок, не было никакого толку, они только нервировали своим нытьём. Александру пришлось ставить палатки с тремя парнями, тоже городскими, но толковыми ребятами. Свою палаточку Александр ставил уже в полной темноте на своём старом месте, в стороне от общего лагеря. Он с удовольствием сбросил мокрую одежду, залез в спальник и тут же уснул.

Он проснулся до рассвета. В полной темноте жилища видны были только мерцающие угли очага. Вышел наружу. В чистом чёрном небе Звёздный Гусь показывал предутреннее время. Погода благоприятная. Пора собираться. Вернулся в жилище. Ния уже раздула костёр, повесила над очагом горшок с остатками ужина.

– Ложись спать. Я не буду есть.

– Как же ты целый день будешь без пищи?

– На голодный желудок руки и ноги работают быстрее, а голова лучше думает.

Он всё же отхлебнул из котелка холодного густого мясного навара, быстро оделся, взял лук, стрелы, короткое копьё. Нож всегда находился на поясе.

– Пожелай мне счастливой охоты.

– Когда проснётся Солнце, я буду просить его послать тебе удачу.

Он вышел на мокрую от ночной росы траву, поднял голову и проник взглядом и всем своим существом в величественную звёздную бесконечность.

– Дайте мне удачной охоты, Звёзды! Сделайте мои руки ловкими, ноги быстрыми, глаза зоркими, уши чуткими.

Прислушался к своему телу, к своим ощущениям и почувствовал уверенность и прилив сил.

– Спасибо вам, Звёзды!

По натопанной тропе быстро добрался до пролива. Скинул одежду, вместе с луком и стрелами привязал её к копьё и вошёл в воду. Слабые морские волны почти не беспокоили поверхность пролива, поэтому он легко одолел водную преграду. Прислушался. Тихо. Отошел подальше от берега, где не слышно прибоя, присел в траве, затаился. Надо было послушать и понаблюдать. В последнее время охотники замечали неподалеку группы людей из племени Зерноедов. Эти пришельцы и раньше нападали на людей его племени и всегда убивали. У них очень хорошее оружие, и нападают они всегда с большим численным преимуществом, поэтому обычно побеждают. Говорят, они живут в больших посёлках за Западными горами, а сюда приходят, чтобы взять женщин.

Тишина ничем не нарушалась. Лишь несколько отсыревших от росы комаров лениво гудели над ухом. Восточный край неба начал светлеть. Стараясь не шуметь, он пошёл в сторону гор.

У него было своё излюбленное место для охоты на косуль в дубовом лесу на невысоком отроге хребта. После ночной пастьбы в высоких травах заболоченной долины, утром

косули уходят под полог леса. Он знал одну из их троп и именно там обычно устраивал засаду. Было уже светло, когда он приближался к намеченному месту. Неожиданно в десятке шагов выскочила косуля, отбежала недалеко и остановилась. Забда залюбовался зверем: ярко-рыжая, с белым зеркалом в подхвостье, она стояла вполоборота к нему, подрагивая всем телом от страха и напряжения, но не убегала. Он улыбнулся.

– Не бойся, я не собираюсь тебя убивать. Твоё дело выращивать детей, и я не буду тебе мешать.

Он осторожно подошел к тому месту, откуда поднялся зверь, раздвинул траву и увидел маленькое пятнистое создание, вжавшееся в землю. Косуленку было не больше двух дней. Он вернулся обратно, стороной обошёл лёжку и крадучись продолжил свой путь.

Солнце показалось над морем, когда он достиг нужного места. На краю леса у крутого склона он притаился неподалеку от выбитой острыми копытцами тропы. Лёгкий ветерок всё ещё тянул с гор, и звери не могли его почуять. Позиция была удобна для стрельбы, и вместе с тем отсюда было видно продолжение тропы далеко внизу, в долине среди трав. Поэтому он мог быть заранее готов к приближению добычи. Приготовив лук, он повернулся к блистающему над горизонтом диску.

– Хорошего дня тебе, Солнце! Дай здоровья людям нашего племени, дай здоровья моей жене Ние, дай благополучия всем обитателям Земли и Моря. Дай и мне удачной охоты, Солнце!

До возвращения косуль с пастбища ещё было время, и он отдался созерцанию утренней природы. Отсюда прекрасно просматривалось побережье с бухтами и скалистыми мысами, особенно красивыми в утренних лучах. Прямо под ним среди блистающего моря лежал его Остров. Вокруг Острова море сверкало мелкими волнами, но в проливе, там, где от острова в сторону берега тянулись две тонкие песчаные косы, был полный штиль. Под длинными тенями гор травы казались почти чёрными, но возвышенность, на которой стоял поселок, уже осветилась Солнцем. Были видны жилища, над некоторыми показались первые дымки. Он отыскал свой дом. Над его крышей тоже вился голубой дымок – Ния уже развела очаг. Он подумал, что ему очень повезло с женой. Но пора было обратить внимание на тропу.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.